

СЕРГЕЙ ФЕДОРАНИЧ

ВЫЖЖЕННАЯ
ТРАВА

Сергей Федорович

Выжженная трава

«Автор»

2020

Федоранич С.

Выжженная трава / С. Федоранич — «Автор», 2020

Наемный убийца, на счету которого сотни людских душ. Опустившаяся на самое дно, потерявшая вкус к жизни девушка. Гениальный программист, пожертвовавший всем ради карьеры. Маленький мальчик, брошенный родителями в темном парке. Такие разные – что может их объединять? Общее прошлое? Но раньше они никогда не встречались… А сейчас люди вокруг них гибнут, неведомый враг сужает круги, подбираясь все ближе, и число жертв продолжает расти. Кто выживет в схватке со смертью? Кто окажется способен взглянуть в глаза своему страху и выяснить правду? И как со всем этим связана тотальная слежка за каждым из нас?..

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	9
3	10
4	14
5	17
6	20
7	21
8	24
9	26
10	29
11	33
12	36
13	37
14	39
15	41
16	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Федоранич Выжженная трава

Глава первая

1

С Катей что-то не так. Я могу примерно представить, когда случилось то, что все изменило, но наверняка знать не могу. Она ничего не говорит, а узнать какими-то другими способами у меня не получается.

Когда задаю прямой вопрос, то получаю ответ: «Ничего». И все, никаких объяснений, переубеждений или намеков. Если у Кати и появилась от меня тайна, то она твердо решила ее хранить. А значит, добиться от нее раскрытия можно только тогда, когда она решит, что время пришло или обстоятельства теперь позволяют. Если Катя что-то вздумала, то не отступится до тех пор, пока дышит.

Я знаю ее со второго класса школы, где молодая и неопытная учительница посадила меня, забияку и троечника, рядом с Катей, точно такой же плетущейся в конце очереди за знаниями и прилежным поведением. Всем же хорошо известно, что трудных детей за одну парту сажают, только если нужно спалить школу. Но учительница, повторюсь, была совсем юной. Так началась дружба, которая длится до сих пор.

Я видел все самые важные ее периоды: открытия и разочарования в жизни, родителях, любви, увлечениях, поиски себя и осознание своей женственности, возвраты к идеалам, гонка за кумирами и бесконечные сомнения. Я все это видел и принимал ее такой, какой она была: упретой и справедливой до кончиков волос. И никогда за все эти годы я не воспринимал ее ни как парня-друга, ни как потенциальную невесту. Наши отношения всегда были выше этих ярлыков. И у нас не было друг от друга секретов. Вполне справедливо сказать, что Катя тоже видела и хорошо знала все мои «периоды» (хотя мне кажется, что у парней все проходит гораздо менее заметно, чем у девчонок).

Конечно, были и есть разные периоды и события в жизни, которые мы оставляли при себе, но это никак не влияло на нашу дружбу. Мы прекрасно понимали, что между нами останутся пробелы, и это нормально, это вызвано именно тем, что мы разнополые, а не тем, что не хватает кредита доверия.

Ее первого бойфренда, Мишу Стрелькова, я избил, за что попал на карандаш в детской комнате милиции, и меня строго отчитала грудастая инспекторша, у которой были слишком напомажены губы. Я до сих пор помню жирный блеск ярко-алой помады, растекшейся по морщинкам вокруг губ. Они снились мне и порой делали диаметрально разные вещи – я просыпался то в ужасе от их намерения меня сожрать, то возбужденный от увиденных сцен, на какие не хватило бы фантазии даже у Тинто Брасса.

Тот период, когда я вмазал Катиному парню, был у меня сложным. Я кидался с кулаками на всех, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Только Катя могла управлять моим поведением. Мы поговорили и пришли к выводу, что я не должен ломать носы ее парням (даже если они ее обидели), потому что ей нужно учиться защищаться, а мне – держать себя в руках.

Ее первые и болезненные отношения я запомнил очень хорошо, потому что ни на что другое меня просто не хватало: разбитый нос Миши преследовал меня несколько недель, пока родители пытались утрясти ситуацию, а я – сдержаться и не расквасить ему повторно. Я ходил на профилактические беседы, разговаривал с алыми губами, стараясь не плятиться на сиськи, и

всегда выходил с рюкзаком возле шириинки, потому что там позорно топорщилось. Не помню точно, когда перестал стесняться стояка, – наверное, классе в одиннадцатом, когда окончательно принял свою мужскую природу и перестал считать член незрелым. В этом, кстати, помогла Катя. Мы не обсуждали мой член явно, но мне пришлось поделиться сомнениями по поводу «легальности» эрекции у подростка. Я почему-то считал, что до момента, пока я не стану совсем взрослым, пенис не имеет права эрегировать, и он и не эрегирует вовсе – это так, баловство. Катя же ответила, что, по ее мнению, если это происходит, значит, так надо. И мне почему-то это стало и понятно, и приятно, хотя Катя не сказала ничего такого, о чем бы я не мог догадаться сам. Она с таким же успехом могла сказать, что если рука болит, значит, так надо. Уже тогда, в школе, ее мнение было важнее моего собственного, моих сомнений, и я не замечал, как подсаживаюсь на Катину логику, стараясь найти в ее рассуждениях ответы на мучавшие вопросы.

Наша дружба пережила три важнейших этапа, которые сближали нас самыми неочевидными путями. Мы не ругались, нет! Просто в какой-то момент обоюдно приходили к мнению, что дружба исчерпана, а нам больше нечего друг другу сказать. Мы заканчивали фразы друг за другом; не сговариваясь, встречались в нашем месте в парке, когда оба должны быть на занятиях в школе; учили одинаковые билеты и читали одни и те же книги. Тогда мы еще не понимали, что в такие моменты становились практически идентичными, но нас это пугало и отталкивало, потому что в наших отношениях важным и необходимым было совершенствование друг друга, привнесение чего-то нового в жизнь каждого. Но вместо того, чтобы оттолкнуться, мы каким-то образом умудрялись снять идеально сглаженный пласт, которым соединились, оставив вновь шершавую поверхность, и принимались шлифовать ее, чтобы снова сблизиться.

Первый такой этап был как раз тогда, когда Миша, первый бойфренд Кати, решил помять наливающиеся сиськи Камиллы – девчонки на два класса младше его (чертов педофил), а я это увидел и позвал его покурить в туалет. Там я ему и расквасил нос, а потом случились алые губы и наш с Катей разговор, который поставил точку в определении границ, когда дело касается отношений с другими. До этой ситуации и я, и Катя считали себя вправе раздавать рекомендации и даже запрещать дружбу и влюбленности друг друга, полагая, что со стороны виднее. В этих рассуждениях, конечно, было много подростковой логики, которую не перешли аргументом. Дружащие девчонки, сталкиваясь с такой проблемой, становились вражинами, волосы летели ключьями, пуговицы с блуз – горстями. Парни дрались до кровавых соплей, отстаивая суверенитет и право выбора. А мы с Катей, дав друг другу отышаться от ситуации, встретились в нашем месте и решили, что в столь деликатном деле отныне будем только советовать, но не вмешиваться.

Спустя несколько лет мы впервые вдруг осознали, что взрослеем вместе. Это выражалось главным образом в том, что мы критикуем людей, которые вокруг нас, только лишь потому, что они не такие, как мы.

Их не интересуют наши музыкальные группы (даже те, от которых мы тащились сильнее всего!), они не любят гулять по городу, не читают книг в библиотеке. Нас это удивляло! Мы с Катей за одну весну прошли все ВУЗы, в которых были интересующие нас кафедры, собрали толстенные пачки листовок, списков документов для поступления и заметок с впечатлениями об университетах и общагах. Мне казалось, что мы идеально друг друга понимаем и ни в коем случае не собираемся расставаться, но оказалось не так. И это – второй этап глобальной притирки: понять, что строить будущее надо без оглядки на дружбу.

Первой обо всем, конечно же, догадалась Катя. Она как-то заметила, что, помимо интересующих нас кафедр в тех ВУЗах, куда мы пришли, всегда находились одни и те же другие – юриспруденция, психология, финансы и кредит, менеджмент организаций. То есть вывод очевиден: это не специализированные ВУЗы, а ВУЗы, которые заманивают студентов популярными специальностями. И это плохо: чтобы получить по-настоящему качественное обра-

зование, нужно выбирать по принципу лучшей программы, а не возможности учиться в одних стенах. Этот этап начался стремительно, буквально на следующий день – мы объявили родителям, что больше не стремимся учиться вместе; теперь нам важно, чтобы университет был действительно хорошим, лучшим в своем роде. И начали поиски порознь.

Этот этап, не менее важный, чем первый, длился дольше – вплоть до окончания сессии. Мы практически не общались. Несколько встреч в начале (когда еще нет ничего сложного), а потом полная тишина. Меня поглотил магический мир цифр, а Катя углубилась в науку куда более атмосферную и всеобъемлющую – астрофизику. Катя изучала космос, а я – технологии. Можно сказать, что, несмотря на столь разную специализацию, мы стремились к одному и тому же – познать смысл вселенной, которая загадочна настолько же, насколько необъятна. Только изучали ее с разных сторон.

Удивительно, но в первом полугодии ни я, ни Катя не обзавелись настоящими друзьями. У нас были приятели, и мы познакомились общим кругом, но как только остались наедине (на вечеринке в Катиной общаге по случаю сдачи первой сессии), сразу же признались, что скучали. Этим вторым этапом мы приняли в свою жизнь разное профессиональное будущее, которое будет соприкасаться лишь тем, что наши души родны. И для меня, и для Кати стало открытием то, что мы можем и дальше дружить, не имея при этом общего университета, общего профессионального будущего и даже общих друзей. Каждый из нас признал право за другим становиться тем, кем он хотел быть. Казалось бы, что может держать нас рядом, разве что гравитация?.. Но оказалось, что не только она.

Я с открытым ртом слушал Катины рассказы о звездах и их истории, о том, что они умеют и зачем они вообще; что запасной планеты у человечества нет, а в Солнечной системе все же есть девятая, и осталось лишь доказать (и это не карлик Плутон). Что это даст людям и лично нам, она пока не знала, но собиралась выяснить.

Катя же искренне интересовалась процессами передачи информации на огромные расстояния без деформации и потерь: как астрофизика, ее интересовало не качество информации, но скорость распространения. Мы не один час провели в беседах на эти темы и, казалось бы, снова сблизились.

Расчленяясь на пути постижения профессии, мы собирались воедино в минуту, когда знаниям требовалось прорваться за пределы академических комнат, то есть практически каждый вечер. Если мы не встречались, то разговаривали по телефону или писали друг другу сообщения, имейлы – в общем, так или иначе делились тем, что произошло за время с предыдущей коммуникации. Адаптировать свои разные жизни под дружбу удалось, и я считаю это огромным достижением и общей заслугой.

Парни из моего университета были скучными. Они говорили только о девчонках и секулярных подвигах. И мне было чем поделиться, пока не надоело обсуждать одно и то же – чем различаются вагины, насколько скоростным бывает секс, что задали по теории строения конвергентных сетей, какая аспирантка на кафедре архитектуры сетей красивее. Когда я покидал стены универа, мне не хотелось больше это обсуждать. Я стремился к звездам, чтобы узнать, что нового там.

Моя первая девчонка – Рита – была такой же скучной зурилой, как и все на потоке. Вообще в моих сокурсниках не хватало огонька, мечтательности, умения видеть в обычных вещах сложные связи, в которые проще поверить, чем доказать. Они были совсем простыми, как фанерные столбы, как язык C+, они были настех сверстны, тогда как в Кате одновременно вращалось до миллиона разных технологий, которые постичь было интереснее, чем заниматься любовью на скрипучем диване в комнате Риты, пока ее соседка готовится к семинару в коридоре.

И это, как ни странно, положило начало третьему этапу притирки.

– Здесь будет не так просто, как раньше, – сказала Катя, – здесь собрались обе проблемы, которые мы, казалось бы, решили.

– Видимо, ничего не решили, – ответил я. – Иначе сейчас бы не всплыло.

А всплыло, кстати, вот что. И я, и Катя стали замечать, что ради минут готовы жертвовать не только учебой, но и личной жизнью, которая, к слову, у каждого была. Это сращение сразу двух слоев, которое мы предотвращали, – личное и профессиональное: одно не должно касаться другого.

– Нет, мы все делали правильно, и сделаем правильно сейчас. Мы должны расстаться до тех пор, пока не поймем, что научились наслаждаться жизнью без участия друг друга. Нам надо научиться все начинать с нуля и не бояться, что попадем впросак. Быть самостоятельными и перестать держаться друг за друга так, словно от этого зависят наши жизни.

Мы не общались три года, за которые изменилось все. Мы установили правило дозированно выдавать друг другу информацию о происходящем, но только самое важное: о здоровье родителей, получении диплома (и оценках в нем), о первой работе, о свадьбах (если случатся, но не случились), о чем-то сверхважном, что в момент расставания мы не смогли предугадать (например, получении водительского удостоверения и покупке поддержанного Dodge, в котором это правило было озвучено впервые), и больше ни о чем. Никакой текучки, никаких сиюминутных событий. Ничего, что могло бы снова вернуть нас-наркоманов.

Научиться жить самостоятельно. Научиться начинать сначала.

К моменту той встречи я уже неплохо продвинулся в карьере – работал в фирме «Передовые технологии». Мы занималась разработкой оборудования и программного обеспечения связи, в том числе в моем направлении: средства для целей оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ). Меня взяли лаборантом, но уже через полгода я понял, как там все устроено, и выступил с инициативой, открывшей дверь в комнату, которую раньше считали тухляком.

СОРМ устанавливается на сетях сотовых операторов, чтобы предоставить доступ ФСБ к трафику пользователей. Тогда (да и сейчас тоже) все силы бросали на разработку оборудования и программ, способных отслеживать в реальном времени, куда ходят абоненты и что передают (разговоры по телефону, сообщения, серфинг в интернете). Но записывали только тех абонентов, которые интересовали федералов. Понятное дело, что при таких вводных нельзя отмотать время назад и прочитать сообщения пользователя, если заранее не ставили «на запись». Но я придумал, как это сделать. Вернее, не придумал, а предложил «Передовым технологиям» предвосхитить то, что должно случиться в будущем.

Ведь рано или поздно властям будет недостаточно записывать тех, кого они уже подозревают, им захочется прочитать и прослушать тех, о ком они раньше не знали.

Но как отмотать время назад? Никто этого не знал.

Никто, кроме меня.

2

...из протокола осмотра места преступления: на деревянном полу в ванной комнате на расстоянии 67 см от двери, 16 см от левой стены и 7 см от головы трупа обнаружен нож. Лезвие ножа изготовлено из блестящего металла, рукоятка овальной формы, металлическая. Общая длина ножа – 21 см, длина рукоятки – 6,1 см, длина клинка – 14,9 см, его наибольшая ширина – 2,3 см, толщина – 2 мм. Обнаружены следы папиллярных узоров, крови и волос на ноже. Нож сфотографирован, завернут в белую бумагу, перевязан шпагатом и отпечатан печатью № 26 прокуратуры Н-ского района. На упаковке сделана надпись: «Нож, обнаруженный при осмотре места происшествия по уголовному делу № 8169-02 в отношении подсудимого К. 1988 года рождения», заверенная подписями следователя и понятых.

3

– Так ты у нас, значит, ведущий разработчик ПО? – спросила Катя и улыбнулась.

Внутри у меня все засияло от радости: я так давно хотел ее увидеть, но мы не позволяли себе этого. Конечно, мы обменивались фото и видео, потому что в современной жизни проще попой собрать «Лексус», чем скрыться в Сети. Однако смотреть моменты жизни в записи и общаться вживую, ощутить ее запах и видеть то, что было родным и знакомым, – совсем разное.

– О да, – ответил я, – я рок-звезда в ИТ!

Я пустился в рассказы о работе. Катя не делала вид, что ей интересно, так и было на самом деле, пусть даже болтал я не о самых лицеприятных вещах на тему «как проследить за гражданами так, чтобы они об этом не узнали».

– Подожди, то есть все то, что я написала своей подруге, может оказаться в руках у каких-то людей?

Меня кольнула эта ее «подруга», словно Катю больше волнуют сообщения ей, а не мне, но решил не зацикливаться. Все-таки прошло три года.

– Именно, – подтвердил я, – даже если пройдет год! Представь?

– Ну это же личное пространство! А вдруг я сказала что-то чрезвычайно интимное?

– Нет ничего более личного, чем интересы государственной безопасности, – ответил я словами одного генерала ФСБ, когда его пытались распять журналисты на пресс-конференции по поводу очередного приказа ФСБ о прослушивании и записи разговоров граждан в целях борьбы с терроризмом.

Мы еще немного поболтали об этом и переключились на Катю, которая должна была по правилам третьего этапа рассказать о личном. Мы так договорились: чтобы не перегрузить первую встречу спустя три года, один рассказывает о карьере, другой – о личной жизни.

– Прежде чем я начну, я хочу задать вопрос. Можно?

Наверное, она устала на работе, потому что глаза были потухшие, а движения скованные, словно ей было жаль тратить энергию и расправиться. И эта особая манера говорить, словно каждое ее предложение – вопрос, на который можно ответить только «да», тоже осталась. Я переживал, что больше никогда не услышу этого.

– Конечно, можно. Спрашивай.

– Наше решение, третий этап… Ты думаешь, это было правильно?

– Что ты имеешь в виду?

– Я попробую объяснить? Я не сомневаюсь, что и ты, и я… мы научились жить самостоятельно. Но вот ты? Ты вырос в карьере? У тебя все хорошо? А разве нет в твоей жизни какого-то куска, который был бы лучше, будь я рядом? А твоя карьера? Достиг бы ты того, чего достиг сейчас? Вернее, встал бы ты на этот путь? Потому что я считаю, что ты в самом начале этой большой дороги, но ты будешь дальше идти вверх? Как считаешь, м?

Вопрос, который она хотела задать, был только последним – «Как ты считаешь, м?», все остальное она говорила утвердительно. За эти три года я не разучился ее понимать так же хорошо, как понимал со второго класса, когда она сказала: «Ты будешь сидеть со мной?» Этот вопрос долго не умещался в голове: нас усадили вместе, других вариантов нет, к чему спрашивать?

– Я не могу ответить на твой вопрос, – сказал я. – Пока я не узнаю, чем для тебя были эти три года.

– Верно, не сможешь… Может, и не стоит?

– Подожди, что это значит? Что значит «не стоит»?

– Скажи, ты счастлив? – спросила Катя.

– Да. В общем и целом – да. Но сейчас я сильно напряжен, потому что не понимаю, что ты хочешь сказать. Вернее, я понимаю, но мне кажется, что совсем не то. А ты понимаешь меня сейчас?

Она улыбнулась и положила руку на мою со словами:

– Намного лучше, чем раньше.

Она совсем не изменилась, даже прическа осталась той же: светлые волосы аккуратным каре. Сначала мне показалось, что она немного располнела, но позже я понял, что она неудачно выбрала светлый кардиган, который раздувает в принципе любую фигуру. Катя не была склонна к полноте, и в детстве у нее был всего один период (тот самый), когда разбушевавшиеся гормоны решили ее разнести, но она справилась: резко ограничила себя в сладком и мучном и попросила помочь ей с пробежками по утрам. Мы бегали целый год пару раз в неделю, и проблема миновала.

Катя заказала бокал вина, чем меня удивила. Раньше она не пила алкоголь днем и уж тем более не в середине недели, когда завтра на работу. Но не согласиться с ней я не мог – повод выпить действительно был, поэтому я решил ее поддержать и заказал бокал белого сухого.

– Расскажи мне еще о своей работе? – попросила она.

– А что ты хочешь узнать?

– Как проходит твой день?

– Ну, каждое утро я начинаю с бассейна. Я снял квартиру в жилом комплексе, где в цоколе есть бассейн. Мне нравится. Полчаса каждое утро дает отличный заряд бодрости. Потом еду на работу. Я получил права, купил машину – ну, ты об этом уже знаешь, – и теперь езжу на работу к восьми утра, специально попросил перенести график работы из-за пробок.

Я заметил еще кое-что. Едва я начинал говорить, Катя успокаивалась. Она расслаблялась, лицо становилось безмятежным, она улыбалась без настороженности. Словно чувствовала себя в безопасности. Поэтому я постарался подробно рассказать ей, как живу и работаю.

Я сказал, что, как только пришел в «Передовые технологии», основной моей задачей было вычищение исходных кодов в программах. Это была важная и нужная работа, которую никто не делал. Когда программисты пишут, то не обращают внимания на оставленный мусор. Внимательно его вычистить и не снести что-то важное для программы – и было моей работой. Поскольку у меня был доступ ко всем разработкам сразу, а не только к одному ПО, как у разработчиков, я мог видеть все ноу-хау смежных подразделений и быстро осмелел до того, что стал предлагать интегрировать одни решения в другие, чем вызвал бурю неудовольствия программистов, но одобрение со стороны руководства. В мое досье даже внесли, что я человек внимательный и инициативный. А если учесть, что я не делал ошибок, вычищал тщательно и с головой, то еще и аккуратный, но об этом написать забыли.

Руководитель предложил попробовать принять участие в разработке без повышения в должности, и я согласился, потому что это был неплохой шанс не только вырасти в карьере, но и позлить всю ту «недвижимость» в компании, которая вросла в кресло. Спустя полгода мне предложили должность разработчика, а еще через пару месяцев назначили старшим.

– Я не поняла, если честно, что ты там вычищал? Это ведь просто набор символов.

– Верно, но каждый символ составляет команду, которая реализует ту или иную задачу. Программный код – это вещь творческая, как, например, книга. Собственно, функция та же. Ты читаешь книгу, мозг обрабатывает информацию. Если эта книга – учебник, например, по математике, и в ней написано: «Выполните уравнение», ты берешь лист бумаги, ручку и начинаешь решать. Книга дала команду, ты выполняешь. Программа делает то же самое, только команды при ее запуске выполняет компьютер. Есть разные программы: одни сложнее, другие проще. Те, что совсем простые, устанавливаются на оборудовании, которое способно выполнять ограниченное число команд или вовсе не занимается вычислениями. Программа для СОРМ выполняет несколько простых функций – копирует трафик и передает его в хранилище

или регистрирует трафик (например, оповещает, что абонент начал разговор) и осуществляет его ретрансляцию и запись. Так вот, когда программа разрабатывалась, у нее были задачи, и, исходя из них, писался код. Потом задачи становились другими: расширялись или сужались. Например, раньше программа позволяла только прослушать разговор, а теперь должна его записать и копию отправить в хранилище. Но ведь программист не переписывает программу целиком. Он влезает в конкретные области, которые запускали нужные механизмы, и дописывает то, что нужно для реализации новых функций. В результате там остаются ненужные ошметки и дубляжи, от этого программа тяжелее и неповоротливее, как любая вещь с мусором. Найти и вычистить – вот что я делал.

Я не думал, что Катю и в самом деле заинтересуют эти подробности. Одно дело – учеба: там много нового и интересного. Совсем другое – рабочие будни, где мало прекрасного, а больше рутинны и нуднейших процессов. С той же очисткой кодов я умирал от тоски, потому что был вынужден читать коды, которые писались в 90-х, в самом начале пути, и никому из программистов не приходило в голову обновить те старые движки, которые исправно работали, но морально устарели. Чтобы не покоцать функционал, приходилось залезать в архивы и извлекать пыльные тома от руки написанных кодов, чтобы понять, что к чему относится.

Когда меня назначили владельцем нескольких программ, первое, что я сделал, – дал команду программистам обновить движки до современных и интегрировать в обновление все те фишки, которыми владела компания в других программах. Bay-эффекта поначалу не было, но потом мой подход переняли и другие: когда все продукты компании сконструированы под один шаблон, легче управлять обновлениями, да и сроки коррекции резко сокращаются, ведь больше не надо изучать историю создания ПО, не надо ворошить труху и рвать бобыль, которым там все заросло. Больше того, в обновлениях не надо строить мосты, чтобы новейший код мог успешно работать на старых движках.

– Я был шокирован, что никому до меня это не приходило в голову. Но теперь знаю – это золотой стандарт всех ИТ-компаний. Никто не занимается тем, чтобы приводить в порядок и регулярно модернизировать свои активы. Работают на том, что есть.

– Но ведь твое решение было правильным? – спросила Катя.

Я ответил:

– Конечно. Наверное, именно поэтому я стал ведущим разработчиком и руководителем целой продуктовой линейки. Теперь я не чищу мусор за другими.

– А как коллеги отнеслись к твоему взлету?

– Нейтрально. В ИТ-среде высокие зарплаты и мало амбиций. Нет общего критерия заработка, каждый разработчик хорошо получает, но цифра в расчетке у каждого своя. Все зависит от того, как и когда стрельнуло то, что он наразрабатывал. Есть, конечно, кое-кто недовольный, что у меня все получается. Это динозавры старой школы, авторы еще рукописных кодов. В их время еще было важно, как называется должность. Но их все меньше и меньше. Вымирают. А остальным – пофигу.

Катя снова улыбнулась и попросила повторить вино. Я свое еще не прикончил, уж слишком кислое.

– Ты всегда таким был, – сказала она. – И этим отлично пользовались все, включая меня. Достаточно похвалить, и ты расцветал. Я всегда так делала, когда надо было поднять тебе настроение. Ты разве не замечал?

– Нет, – ответил я и тоже улыбнулся. Конечно, замечал. И мне этого не хватало.

С началом третьего этапа все, к чему сводилось мое тщеславие – результаты на работе. Мама до сих пор не понимает, чем я занимаюсь, и когда я пытаюсь ей что-то рассказать, она говорит: «Ну вот, написал код – и славно. Даешь как-нибудь почитать». Понятное дело, что она не может меня приободрить. Хотя вот у Кати, я уверен, получится, пусть даже она и не разбирается в программах и кодах.

– В общем, сейчас, помимо работы, я занимаюсь разработкой программного продукта, который сможет обрачивать время вспять, – сказал я, надеясь, что не покраснел.

Я ждал этого целый год. С того самого момента, когда, сидя в офисе и разбирая старые записи совместных конференций моих коллег и ФСБ, увидел красной нитью посып: думайте над тем, чтобы записывать вообще все, что передают и получают абоненты, потому что скоро это потребуется. Исходя из этого, разрабатывалось целое направление, куда входили не только стандартные съемники трафика (их устанавливают на коммутаторы), но еще и безлимитные хранилища для данных, скоростные транспортные сети, обеспечивающие непрерывную передачу данных со съемников в хранилища. Но никому ведь и в голову не пришло, что можно сделать проще и ярче – просто обернуть время вспять.

Я помню, что эта идея засветилась во мне огнем, и первое, о чем я подумал: «Вот Катя будет удивлена!»

Уже потом я осмелился думать о Нобелевской премии, признании коллег, контрактах с крупнейшими ИТ-компаниями, больших деньгах и так далее. Первой мыслью была ее реакция. Учитывая, что перед началом третьего этапа мы строго обсудили порядок разговора после его завершения, я знал, когда случится этот момент: сегодня. Я утерпел и не сказал о своей идее Кате в машине, где мы встретились и, обнявшись, обговорили условия; дождался, когда она немного расслабится в ресторане после первого бокала.

И вот он случился, тот самый момент.

– Это как? – спросила она.

И это все? Нет ни тугого молчания, когда ты просто ошарашен услышанным, ни безмерного удивления, округлившихся глаз; нет вполне человеческой стадии отрицания, когда не веришь в то, что представить сложно. Просто: «Это как?» И все? Это все, чего я ждал?..

Я не говорил никому, даже своему начальнику, с которым у нас доверительные и даже приятельские отношения. Совсем скоро он собирается покинуть компанию, и я должен буду возглавить целое направление – полную разработку решений СОРМ. Я доверял ему безмерно, он всегда был со мной честен и справедлив, но я не считал, что могу поделиться с ним такой важной новостью. Не потому, что он может своровать идею или догадаться, как ее реализовать без меня. Нет. Даже если бы ему и пришло что-то в голову, он бы этого не сделал просто потому, что он порядочный человек.

Причина в другом: я не сказал потому, что первой об этом должна узнать Катя.

– Пока не знаю, – сказал я.

В горле пересохло, и я залпом допил вино.

– Ты справишься, – ответила Катя и повторила мой трюк с осушением бокала. – Ты ведь справишься?

4

До следующей нашей встречи я пытался понять, что это было. Со мной так всегда – и в жизни, и на работе. В момент, когда что-то происходит, я не всегда успеваю провести анализ и сделать выводы, чтобы сразу уточнить, что не понял. «Задней мыслью» я догоняю то, что должен был понять сразу.

Ну, вот так я устроен.

В ночь после нашей с Катей первой встречи я много думал. В голове варилось всякое и, к моему удивлению, не самое приятное. Я пришел к выводу, что плохие мысли обосновались в голове из-за того, что я на подсознательном уровне (тот самом, который позволял в школьные годы мне взять в руки книгу, не зная, что Катя выбрала точно такую же) понял, что Катя на самом деле я стал безразличен. Ни мои достижения, ни моя сверхидея ей, на самом-то деле, не интересны.

Зачем она тогда пришла? Зачем задавала вопросы?

Ответов у меня не было.

Ведь проще было сказать как есть: просто позвонить и отменить встречу, для начала сославшись на занятость, а то и сразу озвучив причину. Катя, которую я знал три года назад, так бы и сделала. Она не стала бы крутиться, она бы четко и правдиво сказала мне: Рома, в этом больше нет необходимости, прости. Я бы расстроился, конечно. Но и понял бы тоже: чувак, три года прошло, не зря мы перед этапом договорились, что если кто-то из нас не захочет восстановить отношения, то другой в обиде не будет. Все-таки три года – это не три дня и даже не месяц.

Но она пришла.

Можно допустить, что Катя изменилась и поэтому так себя вела. Пришла, хоть не хотела, слушала и спрашивала, хоть и было неинтересно. Но я в это не верил, потому что знал Катю, а люди не меняются.

Я верил в то, что человеческий характер – константа, на которой строится не одна математическая модель, и она управляет миллионами людей. Это заложено в основу всего и вся – человек не меняется, и точка.

Измениться могут только обстоятельства, под воздействием которых люди начинают вести себя по-другому. Это я понимал как математик, и моей задачей до нашей новой встречи было понять: какие обстоятельства изменились?

Но время внесло поправку в эту задачу: при каких обстоятельствах кристально честный и справедливый человек опустится до вранья, чтобы посвятить свое время неинтересному ему персонажу?

Углубляясь в эти размышления, я находил множество вариантов, но ни один из них не подходил идеально. В любом случае я получал четкий алгоритм, который загрузил в голову: если бы Катя была машиной с такими-то установками, то в таком-то случае она бы не сделала то-то. И ни разу у меня не выходило выстроить обстоятельства так, чтобы получилась ее модель поведения в ту встречу.

Информации не хватало. Но я не стал шпионить или что-то делать у нее за спиной. Я решил спросить прямо при следующей встрече, и все. Когда мы были детьми (да и подростками тоже), серьезные вопросы всегда поднимала она, но на сей раз это сделаю я. Обстоятельства ведь изменились.

Я тщательно подготовился к встрече. Мне предстояло рассказать Кате о личном, и я собирался сделать это подробно и без утайки (но с оговорками, которых мы достигли много лет назад, то есть без пикантностей и хвастовства). Но только после того, как о личном расскажет

она. В итоге, хоть мы и не хотели перегружать нашу первую встречу, получится, что на второй встрече о личном расскажут оба, а потом еще Катя – о своей карьере.

Из того, что я знал по переписке: Катя пыталась устроиться на работу в Роскосмос, но не прошла отбор, однако очень понравилась их HR-отделу, и ей предложили начать карьеру в одной из подрядных организаций, с которыми заключен контракт. И Катю действительно взяли в «Космические вычисления», где она, насколько мне известно, работает до сих пор. Сообщения о замужестве Катя не присыпала, что должно было означать, что замуж она не вышла. Больше мне ни о чем не известно.

Мне пришлось отпроситься на работе на несколько часов пораньше, потому что мы договорились встретиться в Измайловском парке и прогуляться, а до парка мне было очень далеко ехать – из Крылатского, где свои штабы обустроили все ИТ-гиганты, да на машине в вечерний час пик...

Как я и предполагал, увяз в пробке. Водитель я не очень опытный (перестроения даются еще тяжело из-за мотоциклистов, которые с воем вылетают, едва ты начинаешь сползать на соседнюю полосу). Я торчал в мертвом бездвижье почти час, нагнать не сумел, поэтому приехал минута в минуту – Катя уже ждала у метро.

Мы тепло обнялись, решили, что перекусим после прогулки, и направились в парк.

– Я так понимаю, ты ждешь от меня подробностей личной жизни и карьеры? – спросила Катя после минуты гнетущего молчания, за которую я уже успел трижды перезапустить алгоритмы и каждый раз удивляться результату.

– Все верно, – подтвердил я.

– Ром, правда, я не знаю, что расскажу тебе.

Мы помолчали, проходя мимо суетливых потухших мамочек с колясками, вокруг которых изматывающими кругами бегали дети. Всегда, когда вижу такую картину, спрашиваю себя: неужели может человек, выглядящий настолько вымученным и изможденным, быть одновременно счастливым?

Мне нужно было отвлечься на эту мысль только ради одного: задать вопрос, который при внимательном обдумывании я мог придержать. Но поскольку голова анализировала судьбу мамочек, я постарался мягко спросить:

– А зачем тогда ты пришла? Неужели для того, чтобы послушать меня еще раз?

– Я бы с удовольствием послушала тебя. Не возражаешь?

– Возражаю, – сказал я. – Я хочу услышать твою историю. Твоя история важна. Сейчас сильнее, чем прежде.

– Почему сильнее, чем прежде?

– Потому что ты изменилась, Катя, – ответил я. – А люди не меняются. И я могу сделать один только вывод: в твоей жизни произошло что-то такое, что заставляет вести себя иначе. И я хочу знать, что именно.

– А зачем тебе это знать?

– Чтобы понять. Чтобы помочь.

– Ты хочешь меня понять? И хочешь мне помочь? – спросила она.

– Хочу. Всегда хотел.

Она остановилась, просто замерев посреди пестреющей густой зеленой листвы. Где-то ухнула кукушка и прожужжал шмель.

А потом Катя тихо спросила:

– Так где ты был три этих года? Почему не понял? Почему не помог?

– Но мы ведь договорились...

Своим слабым зрением (очки я снял в машине) я пытался сфокусироваться на ее лице, но вокруг было слишком много зелени, фокус никак не собирался, а мне было чертовски важно видеть сейчас ее лицо. Видеть, что она чувствует и не говорит.

— Я знаю, — ответила Катя совершенно не своим голосом и посмотрела на меня чужими глазами, это я увидел прекрасно: два темных уголька, в которых совсем не было жизни.

Такого ее взгляда я прежде не видел.

Такой женщины, в этих серых брюках и длинном балахоне, я не знал.

Я знал эти волосы, лицо, руки, даже сумку (серая средних размеров из мягкой кожи, мы вместе ее выбирали на распродаже в одном из магазинов в «Меге», она до сих пор ее носит, а я не могу вспомнить ни на себе, ни дома вещей трехлетней давности, за исключением, быть может, бытовой техники, и то не всей). Знал эту походку, эти жесты. Я знал это тело в обозримом виде, в комбинации разной и привычной одежды. Но кто теперь там, внутри, я не знал. Это была не моя Катя. Это была чужая женщина.

Мне удалось справиться с шоком. На это потребовалось еще несколько гнетущих минут тишины. Когда я был готов произнести хоть что-то, Катя остановила меня, сказав первой. Сказала так, как не говорила очень давно, даже в самые отчаянные минуты, когда ей было невмоготу кривляться манерой речи с вопросом в каждом предложении; но даже если сравнить ее сегодняшний монолог с прошлым и допустить, что время что-то исказило, то не настолько!

— Я всегда была уверена в тебе. Была уверена, что ты рядом, что ты меня чувствуешь и поможешь. Даже эта наша с тобой трехлетка не могла стать причиной тишины, когда один из нас кричит от боли. Я была уверена, что ты придешь на помощь. Я знала это. И жестоко ошиблась. Ты не понял, ты не пришел. Я была одна, хотя мы обещали друг другу, не говоря об этом ни разу, поддерживать и помогать. Но тебя не было. Ты просто исчез, воспользовавшись той минутой, когда решение было принято. Ты мне не снился, я не страдала, не видела тебя мгновениями и не слышала фантомных звонков. Ничего этого не было, потому что ты не умер. И это плохо. Потому что если бы ты умер, я бы или тоже умерла, или бы училась жить сама — третьего не дано. Я училась бы дышать под этой толщей воды без оглядки на тебя, не надеясь, что ты отдашь мне свой кислород. Я бы боялась, что ты не придешь на помощь, потому что умер, а не потому, что не понял или не захотел. Мы переоценили нашу дружбу и привязанность, ведь в моем понимании ты должен был помочь. Это означает только одно: не так мы были близки, не так мы срослись, чтобы три года наращивать шероховатости для новой спайки. Мы с тобой фатально ошиблись, и если твоя жизнь хотя бы в карьере сложилась, то моя полетела прахом. И все из-за нашей с тобой дружбы, которая оказалась мифом. Опасной иллюзией защиты тогда, когда на вещи нужно было смотреть трезво. Поэтому, Рома, я не буду тебе ничего рассказывать, в моем случае ничего не получилось. Все провалилось и оказалось ужасным. И помочь мне нечем. В любом случае, переживать тебе не стоит: все в прошлом. И наша дружба, и моя боль. Живи и работай дальше, поворачивай время вспять, строй карьеру, получай зарплату. Что у тебя там еще?.. А обо мне забудь. Оставь меня в прошлом и никогда мне больше не звони. Исчезни теперь навсегда, очень тебя прошу.

Она развернулась и быстро пошла обратно, к метро. Я не успел разглядеть слез на ее лице, но даже со своим плохим зрением был уверен: их не было.

Я даже ее не остановил. Не знаю, почему.

5

С той нашей встречи прошло несколько недель. Я старался не думать о Кате, пытался собраться с силами и жить, но не выходило. Меня одолевала тревога, – симптом вины, – и поэтому возвращался к ее словам и пытался понять, в чем же я был неправ, если делал все строго так, как мы договорились.

Я перешерстил почтовый ящик за три года, отобрав в папку все ее письма, их было около сотни. Прочитал все, пытался найти тот крик о помощи, о котором она говорила и который я когда-то пропустил. Ничего не нашел и сейчас, хотя точно знаю, что как минимум в одном скрыто что-то ужасное.

Катя однозначно права: если бы она умерла, время бы уже начало лечить, ее образ бы тускнел, пока от него не останутся лишь рамки, в которые была вшина жизнь. Я бы имел точку отсчета, в которой остановилась Катина жизнь и началась моя новая – без нее. Было бы мучительно больно, горько, одиноко, тоскливо, но я бы уже поправлялся. Потому что кануло девять дней и скоро настанет сороковой, после которого, говорят, становится легче. Самое страшное было бы уже позади.

Но она была жива, дышала где-то у себя в Тропарево, ходила в магазин, готовила еду и смотрела по вечерам кино. Я точно не знал, как она сейчас проводит вечера, возвращаясь домой после работы, но как-то она их проводит, и это не дает покоя. А вдруг она снова кричит от боли? Вдруг ей снова нужна помощь?

А я бездействую.

Я поставил автоматическое уведомление об открытии электронных писем, но она к ним не притрагивалась. Я звонил ей, телефон был недоступен. Сообщения оставались без ответа. На исходе третьей недели я собрался с духом и поехал к ней.

Мне не открыли. Яостоял час у знакомой обитой красным дерматином двери, звонил в звонок, на мобильный, пытался услышать хоть какое-то движение в квартире. Кати там не было. Тогда я постучал в соседнюю квартиру, где жил Стас, сосед Кати; его я знал давно. Он с семьей – женой Жанной и малюткой Варей – заселился в тот год, когда мы с Катей заканчивали школу. У Стаса были смешные оттопыренные уши и очень большие кисти рук, грубо слепленные, словно неумелым мастером из холодного пластилина. Рукопожатие было крепким, но влажным; судя по запахам из квартиры, в семье родился еще один ребенок, а может, и не один – пахло молоком и стиркой.

– Ты Катьку ищешь? Давно тебя не видел.

– Да все дела, – ответил я, – сейчас времени совсем нет, работа поджирает. В гости не находишься.

– Давно ты у нее не был, видимо. Она здесь не живет уже два года. Сдавала квартиру, но ее жилец помер. Это был какой-то очень странный дедок, почти не выходил никогда. Я целыми днями с детьми дома и слышал, что если за неделю он пару раз выходил ненадолго, то хорошо. А потом помер.

– А как ты узнал, что он помер?

Из квартиры раздался сердитый плач. Стас гаркнул жене, чтобы она успокоила ребенка, прикрыл дверь и вышел на площадку.

– Дети – это цветы жизни, но не круглыми сутками. Когда они устраивают вечерние оры, это просто... Короче, хоть вешайся. Но вечер – это время жены, я типа отдыхаю. Как узнал, что он помер? Катька приехала и постучалась ко мне. Говорит, что ее жилец на звонки не отвечает, просрочил оплату, чего за ним не водилось никогда. Ну, мы заподозрили плохое, возраст-то у него был немолодой, и вызвали участкового. Он дверь вскрыл, а жилец на кровати лежит, давно помер. Запаха, что удивительно, сначала не было, а потом как дошло... Катька всю мебель из

квартиры выбросила, но ремонтировать ничего не стала. Просто закрыла квартиру – и все, с тех пор здесь не появлялась. Я видел несколько раз риелторов, которые приводили клиентов на покупку, но, видимо, что-то не срасталось, квартира пустая.

– А на случай потопов?

– Ключи она мне оставила, но я не заходил туда ни разу.

– Может зайти?

– Зачем? Говорю же, квартира пустая.

– Хочу убедиться, что с Катей все в порядке, – ответил я. – Мы повздорили несколько недель назад, и с тех пор я не могу до нее дозвониться. Вдруг она там?

Стас покачал головой и сказал:

– Понимаю, что ты переживаешь, но поверь мне – ее там нет.

– Стас, открой квартиру, пожалуйста.

Он помолчал немного и кивнул:

– Ладно, только быстро. Катьке не говори, что я тебя впускал. А то потом будет иметь претензии ко мне, ведь ключ у меня на аварийный случай, а не для ваших амурных разборок.

Я проигнорировал эти его «амурные» разборки. Стасу всегда было непонятно, как могут дружить парень и девушка и при этом не быть парой. Он был всегда уверен, что в такой дружбе кто-то кого-то хочет. Говорить, о чем думает, Стас не стеснялся никогда, в правоте своей был уверен, возражений не принимал, но и не настаивал, чтобы все было исполнено по его велению.

– Спасибо! Считай, что это аварийный случай!

Но он оказался прав – квартира была абсолютно пустая. Три комнаты без единого предмета, покрытые персиковыми обоями стены, местами засаленные и выцветшие, запыленные люстры. Не было даже кухонного гарнитура и раковины, обезглавленные трубы торчат там, где раньше была мойка. В туалете – пересохший унитаз, в ванной – засахаренная пылью ванна. Я быстро осмотрелся в квартире и понял, что здесь даже пару часов пересидеть не на чем, не говоря уже о том, чтобы спрятаться.

На пыльном старом паркете оставались только мои следы да полукружье у двери, где топтался беспокойный Стас. Ему, видимо, было не по себе, да и мне тоже, если признаться. Я поблагодарил Стаса, распрошался с ним и поехал домой.

Я очень долго не мог позволить себе набрать коллегу Антона, но в конце концов убедил себя, что другого выхода у меня просто нет, и позвонил. Антон занимается технической поддержкой нашего оборудования. У него был доступ к данным, которые мне нужны.

Честно, я поверить не могу, что позволил себе попросить его пробить для меня местонахождение конкретного абонента, но я это сделал. Антон скинул мне адрес, и я поехал не раздумывая. Я понимал, что в эту самую минуту я пробиваю дно, до которого никогда не опущусь.

Это была блочная девятиэтажка на севере Москвы, самая банальная и ничем не примечательная. Катя могла жить в любом из трех подъездов, на любом этаже.

И снова помог Антон, который вычислил, что я стою ровно у того подъезда, где чаще всего находился абонент, которому я безуспешно пытался дозвониться. Третий подъезд. Я дождался первого же жильца, это был парень с очаровательным рыже-белым пском, на вид помесью лабрадора и лайки. Пес выглядел довольноным, ухоженным и любимым, смотрел на меня с интересом, но без опаски и агрессии. Он внимательно прислушивался к нашему разговору, а потом вальяжно лег, скрестив передние лапы, и лениво наблюдал за суетой двора.

Парень оказался словоохотливым и сказал, что Катя действительно живет в этом подъезде, но в какой квартире и на каком этаже, он сказать не может, и не потому, что не знает.

– Сейчас очень странное время, – сказал он, аккуратно промокнув бумажным платком вспотевший лоб, – но я вас понимаю. Предлагаю поступить так: мы с Ричем поднимемся в ее квартиру и сообщим, что вы Катю ищете, и, если она захочет с вами говорить, то спустится или позвонит вам, скажет, куда идти. Окей?

– Да, договорились.

– Только я вас сфотографирую – так, на всякий случай, да и объяснить будет удобнее.

– Щелкайте.

Парень меня сфотал, позвал Рича, который неторопливо встал и последовал за хозяином в подъезд.

Я клянусь, что перед тем, как зайти в подъезд, пес повернулся ко мне и улыбнулся!

Вернулся парень довольно быстро, без Рича. Сообщил, что Катя дома, но попросила ее не беспокоить.

– Я не хочу залезать в ваши разборки, – сказал он мне, – но по-человечески прошу вас уйти. Я сделал все, что мог, вошел в ваше положение и очень прошу не усложнять мне жизнь всей этой драмой.

– Я понял вас, спасибо за помощь. У вас очень красивый пес.

– Я знаю, спасибо, – улыбнулся он мне и пожал протянутую руку. – Всего доброго!

Удивительно, но злости не было. Только недоумение и даже какое-то успокоение. Если бы Кате было плохо или ей нужна помощь, то теперь она знает, что я рядом. Знает, что я ее не бросил, знает, что может позвонить – и я примчусь. Знает, что мне известно, где она живет.

Впервые спустя три недели с нашей последней встречи я возвращался домой с чуть ослабленным узлом в сердце. И, наверное, даже смогу нормально поспать.

Очень жаль, что в тот день идея еще не нашла свое физическое воплощение. Потому что если бы я начал обращать время вспять прямо у ее подъезда, под царственным взглядом Рича, я, может быть, успел бы предотвратить стремительно надвигающуюся беду.

Но время фатально летело вперед, не останавливаясь ни на секунду.

6

Катин отец умер, когда мы были в десятом классе. Сразу же после его смерти мама Кати уехала в Италию и вышла замуж. В Москве у Кати не осталось никого. Сначала мы переживали, что ее отдадут в детский дом, но мама все устроила – новый муж был неплохо обеспечен, и родительница приезжала довольно часто, чтобы примелькаться у соседей и быть на связи со школой. Так или иначе, тот факт, что Катя живет одна, никого не напрягал. И Катю, к слову, отъезд матери тоже не волновал: она восприняла все спокойно, словно это нормальное течение жизни, каким оно должно быть у всех.

Многие ночи в те годы мы провели у Кати дома – иногда учились, иногда оттягивались с друзьями. Уже сейчас я понимаю, что это была потенциально опасная ситуация, когда группа подростков могла натворить что угодно, тем более что чаще частого мы были пьяны, и друзья были в основном одноразовыми, которые после одной ночи никогда больше не возвращались. Откровенно говоря, друзей у нас (кроме друг друга) было мало, а постоянных – совсем ничего. В институтское время Катя жила в общаге, желая полностью погрузиться в учебный процесс и студенческую жизнь, а квартиру сдавала. И, видимо, так обратно и не въехала.

Так что позвонить было некому. Те люди, с которыми мы зависали у Кати дома в школьные годы, уже давно канули в Лету, я даже не знаю, живы они или спиились, а может быть, скололись. Трехлетний период разорвал наши с Катей отношения полностью, разрубил даже хрупкие узлы знакомств со студенческими друзьями.

Электронного адреса Катиной мамы у меня не было. Честно признаться, я не помню даже, как она выглядит, знаю только, что ее зовут Ольга, она дизайнер интерьеров, в последний раз я ее видел с очень короткой стрижкой, практически лысой. Запомнил, потому что меня шокировал очень странный способ самовыражения – в то время бритая почти наголо женщина вызывала культурный шок, и вместо того, чтобы наладить с ней контакт и выстроить какие-то отношения, я старался держаться от нее подальше.

Наверное, в какой-нибудь соцсети я смог бы найти Ольгу: она могла быть там зарегистрирована под своей фамилией, или под той, которую носит Катя, или под фамилией своего мужа, или вовсе могла не иметь аккаунта. Я попытался прошарить несколько сетей, но никого похожего не нашел. Да если бы и нашел, что бы я написал? Здравствуйте, я Рома,помните меня? Не могу выйти на Катю? Если у них по-прежнему такие же отношения, как когда Катя была школьницей, то едва ли Ольга вообще знает, что мы с Катей продолжаем общаться после выпускного бала. А если они сблизились, то Катя по-любому рассказала ей о наших встречах и решении, которое приняла: расстаться и больше никогда не общаться. Так что Ольга не поможет...

А нужна ли мне помощь? Вот так, положа руку на сердце? Я пытаюсь достучаться до Кати после того, как она сказала точно и однозначно: не звони, исчезни. Не этот ли вариант мы предвидели, когда расставались на долгие три года, чтобы научиться жить самостоятельно? Не это ли было оговоркой, с которой мы согласились, понимая, что, не имея сожженного моста между нами, не сможем получить то, ради чего все это затевалось? Ответ я знал.

И с неделями, которыми я измерил пришедшую мне в голову мысль, до меня окончательно дошло: Катя встретилась со мной в первый раз для того, чтобы понять, насколько скучала. И с ходу не разбралась, поэтому пришла во второй, тогда ей все стало ясно.

Она могла бы приказать мне исчезнуть еще в переписке, когда мы решили встретиться в первый раз, но не сказала, надеясь, видимо, что все поймет, когда увидит меня во плоти. Так и зачем я нарушаю данное и ей, и себе обещание? Зачем?

Мне нужно оставить ее в покое и дать возможность жить. Без меня.

...из протокола судебного заседания по уголовному делу № 8169-02 в отношении подсудимого К. 1988 года рождения. Протокол ведется посредством машинописи секретарем судебного заседания Прохоренковой Ю.Ю., без использования средств фиксации. Судебное заседание по постановлению районного судьи Трофимовича С.А. проводится в закрытом режиме. Районный прокурор Стрельникова А.В., поддерживающая обвинение подсудимого К., ведет допрос свидетеля Ш., личность которого сохранена в тайне в порядке части 5 статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях обеспечения безопасности свидетеля, то есть без оглашения подлинных данных о личности свидетеля. Допрос производится в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства.

Судом и прокурором установлены дата, время и место событий, о которых идет речь в допросе.

Прокурор Стрельникова А.В.: Ш., 33 года, не замужем, детей нет, является объективным свидетелем, поскольку до произошедших событий с потерпевшими Р. и Л., подсудимым Ш. знакома не была, неприязни не испытывает, показания дает о том, чему была свидетелем. Свидетель, скажите, при каких обстоятельствах вы познакомились с потерпевшими Р. и Л.?

Свидетель Ш.: Я возвращалась домой после занятий в фитнес-клубе, было около девяти часов вечера. В тот день у меня была насыщенная тренировка, и я очень устала. Лил дождь, зонта у меня не оказалось, поэтому, выйдя из клуба, я сразу же попыталась вызвать такси. Но оператор сказала, что из-за дождя спрос на такси очень высокий, и ожидать машину можно только через час. В общем, я вышла на дорогу, укрывшись под деревом, и пыталась поймать попутку. Остановилась машина – темно-серая иномарка, джип. Я сразу же отошла, потому что увидела, что за рулем сидел мужчина, который не вызвал у меня доверия.

Прокурор Стрельникова А.В.: Почему этот мужчина не вызвал у вас доверия?

Свидетель Ш.: Я не хочу показаться нацисткой.

Прокурор Стрельникова А.В.: Я все же попрошу вас ответить на вопрос.

Свидетель Ш.: Потому что мужчина за рулем был кавказской национальности и вел себя слишком вольно. Он сразу начал обращаться ко мне на «ты», называть «красоткой» и предлагал довезти куда угодно, даже на край света. Я посчитала его поведение недопустимым и извинилась за отнятое время.

Прокурор Стрельникова А.В.: Но он не уехал?

Свидетель Ш.: Совершенно верно, он не уехал. Тогда я попыталась отойти дальше и продолжить голосовать, а сама подумала, что, наверное, лучше вернуться в клуб, вызвать такси и дождаться машину. В клубе есть салон красоты и... В общем, занятие себе я найти могла.

Прокурор Стрельникова А.В.: Что было дальше?

Свидетель Ш.: Машина была тонированная, и я не видела, кто был на заднем сиденье. Стекла опустились, я увидела двух девушек. Одна из них, что сидела возле окна, была, как мне показалось, пьяна, но не сильно. Она сказала мне, что если мне нужно добраться до дома, то лучше этого варианта в такой ливень я не найду. И что если водителю потребуется женская ласка, то у него на заднем сиденье аж целых две горячих девчонки моложе меня (что объективно было правдой), которые с удовольствием его согреют. Но если я захочу, то я могу присоединиться и стать четвертой.

Прокурор Стрельникова А.В.: Как вы на это отреагировали?

Свидетель Ш. (после долгого молчания): Я не была против.

Прокурор Стрельникова А.В.: Вы сказали, что, когда только машина остановилась и вы увидели водителя, он не вызвал у вас доверия. Что изменилось?

Свидетель III.: Девушки, сидящие в машине, не выглядели как девушки, которые проходят свое тело за деньги, и они не выглядели напуганными или как-то, что могло меня встревожить. Я не испытывала страха, подумав, что если они не боятся, то и мне не стоит. Плюс перспектива меня действительно заинтересовала.

Прокурор Стрельникова А.В.: Уточните, пожалуйста, что вы имеете в виду под «перспективой», которая вас заинтересовала.

Свидетель III.: Я понимала, что есть очень высокая вероятность вступить в сексуальные отношения с этим мужчиной и этими девушками.

Прокурор Стрельникова А.В.: Уточните, пожалуйста, какая именно перспектива вас заинтересовала? Вступить в отношения с каждым по отдельности или со всеми сразу?

Свидетель III. (после долгого молчания): Со всеми сразу.

Прокурор Стрельникова А.В.: Уточните, пожалуйста, вам знаком подсудимый?

Свидетель III. (после того, как посмотрела на подсудимого): Да, это водитель того самого джипа темно-серого цвета.

Прокурор Стрельникова А.В.: А девушки на фотографиях, которые вы видите на экране в этом зале суда, вам знакомы?

Свидетель III. (после того, как посмотрела на фотографии на экране): Да, эти девушки сидели в машине подсудимого, это их я видела.

Прокурор Стрельникова А.В.: Прошу внести в протокол, что свидетель III. опознала подсудимого и потерпевших Р. и Л. и показала, что видела потерпевших в машине подсудимого. Свидетель, скажите, вам не показалось, что девушки были взволнованы, напуганы? Создалось ли у вас впечатление, что они находятся в машине помимо своей воли?

Свидетель III.: Нет, однозначно нет. Обе девушки были расслаблены. Та, которая со мной разговаривала, курила тонкую сигарету и стряхивала пепел себе под ноги, прямо в салоне машины. Увидев их, я сама успокоилась – можно сказать, мне передалось их спокойствие. Я бы сказала, что они были безмятежны.

Прокурор Стрельникова А.В.: Допускаете ли вы, что они могли быть в состоянии алкогольного или иного опьянения, которое не позволяло им оценить обстановку объективно?

Свидетель III.: Нет, девушки были выпившие, но не пьяные.

Прокурор Стрельникова А.В.: Ранее вы сказали, что та девушка, которая с вами разговаривала, – уточняю для протокола, что речь идет об Л., – была пьяна, но не сильно.

Свидетель III.: И я это подтверждаю: она была выпившая, то есть пьяна, но не сильно, это одно и то же. Отвечая на ваш вопрос: нет, они не были пьяны настолько, что не могли понять, что происходит.

Прокурор Стрельникова А.В.: Что было дальше?

Свидетель III.: Я села в машину. Всю дорогу молчали. Я была взволнована, но не от страха или чего-то такого, я была сексуально возбуждена. Мужчина за рулем никак себя не проявлял, следил за дорогой и ни с кем не разговаривал. За пределы знакомого мне района мы не выезжали, и дом, к которому мы приехали, был мне знаком – он находится в нескольких кварталах от моего собственного. Мы вышли из машины, водитель ее запер, мы вошли в подъезд, поднялись на третий этаж и вошли в квартиру. Это была квартира подсудимого; он открыл двери, выдал всем тапочки, потом провел нас на кухню, а сам отправился в душ. Л. налила мне бокал вина, и я не успела его допить до дна, как из ванной вышел абсолютно голый водитель джипа и позвал всех в комнату. Мы вошли в комнату и практически сразу же занялись сексом.

Прокурор Стрельникова А.В.: Секс был добровольным?

Свидетель III.: Да, полностью. Никто никого не заставлял. Мужчина лег на кровать и пригласил всех к нему присоединиться. Мы разделись и легли тоже.

Прокурор Стрельникова А.В.: Что было дальше?

Свидетель III: Мы занимались сексом несколько часов, а потом я сходила в душ, вызвала такси и уехала домой. Телефонами мы не обменивались, связываться друг другу не обещали. Когда я уходила, Л. и подсудимый продолжали заниматься сексом, а Р. спала.

Прокурор Стрельникова А.В.: Р. была жива?

Свидетель III: Да, когда я уходила, Р. была жива. Л. и подсудимый занимались сексом, и я разбудила Р., чтобы она закрыла за мной дверь.

Прокурор Стрельникова А.В.: У вас не создалось впечатления, что Р. боится? Или что она плохо себя чувствует?

Свидетель III: Она была в порядке, правда, не говорила со мной вообще. Она улыбнулась мне на прощанье и закрыла за мной дверь. Если бы она хотела уйти, она могла бы это сделать – дверь была открыта, ее вещи лежали на полу, а подсудимый был занят сексом с Л.

Прокурор Стрельникова А.В.: Больше подсудимого, Л. и Р. вы не видели?

Свидетель III: Нет, не видела.

Следующие три вопроса, задаваемых свидетелю, были исключены из протокола по ходатайству адвоката Шушарева П.Н., защищающего интересы подсудимого.

8

Ночью со мной случилась паническая атака. Это у меня наследственное. Такими приступами страдает мама всю жизнь. В теории я знаю, что нужно делать, но в своей взрослой жизни я с ними не сталкивался, и уж тем более не сталкивался один на один. Всегда рядом были мама или Катя.

В прикроватной тумбочке лежит лекарство, что-то производное от валиума, которое мама регулярно получала по рецепту врача и щедро отстегнула мне пару пластинок несколько лет назад на всякий случай. Приступов у меня не было очень давно, и это была скорее мера подстраховки.

Во время приступа нужно выпить одну таблеточку, лечь и постараться расслабиться, но это довольно сложно сделать, когда горло перехватывает спазм, лоб покрывается липкой пленкой теплого пота, сердце вылетает из груди и мне кажется, что я делаю свои последние вздохи на этом свете. Раньше никогда не хватало ночью, и я всегда предчувствовал беду. А сегодня проснулся за несколько мгновений до того, как накрыло, и, естественно, не успел ничего сделать, пришлось получить по полной. Меня трясло, потолок и пол менялись местами с огромной скоростью, головокружение было неимоверным – круче, чем десяток мертвых петель на экстремальных горках. Подушка пропиталась потом. Встать с кровати и куда-то пойти не мог – конечности окаменели, словно их закатали в бетон. Я натурально умирал; неудивительно, что это так страшно.

Спустя какое-то время (казалось, что прошли часы) меня перестало трясти, как подыхающего мотылька, и я смог встать и доковылять до туалета, где меня с мучительной болью вывернуло. Держась за стену, я заполз в душевую кабину и включил прохладную воду. Тугие струи врезались в кожу и прорывались до костей. Чувствуя, как мне легчает, я задышал полной грудью, поднялся в кабине и сделал воду теплее, чтобы не мерзнуть.

Стало легче, но я все еще боялся ложиться в кровать, поэтому выпил таблетку, заварил себе чаю с мелиссой и сел на кухне, включив свет во всей квартире. Мама говорила, что, если не обратиться за помощью, атаки могут стать постоянными, и каждую ночь я буду просыпаться как сегодня иочно сяду на таблетки. Надо записаться к психотерапевту, однозначно надо. Становиться валиумным наркоманом я не собираюсь.

Когда такое случалось в детстве и подростковом периоде, маме или Кате удавалось купировать приступ. Меня просто гладили по голове и успокаивали, я крепко засыпал и не боялся, что приступ настигнет меня во сне. Но сейчас рядом нет никого, и успокоиться самому не получилось.

Маме я, естественно, ничего не расскажу. Помочь она не сможет, только будет переживать и называть мне каждые полчаса, боясь, что я свалился в приступе где-нибудь в метро. Воображение у нее развито не хуже моего, поэтому в ее понимании упаду я обязательно на рельсы в момент прибытия поезда. Она до сих не знает, что я езжу на машине, потому что тогда точно сляжет от стресса. В нашей семье никогда не было нормальных водителей, да и вообще управление транспортным средством у нас воспринимается как какое-то достижение, которое доступно не каждому. Отец, едва получив права, смял об заднице крутого джипа передний бампер нашей новехонькой BMW в свиной пятак. Чтобы починить зад джипу, пришлось и продать BMW, и еще кредит взять. В общем, теперь отец ездит только с водителем, как и мама.

С тех самых пор, как родители перебрались в Орел, где у отца образовался бизнес вместе с его одноклассником, я редко с ними вижусь. Съездить на выходные к родителям можно, но на дорогу нужно потратить много часов, поэтому сейчас мы общаемся по видеосвязи, и мне, в принципе, хватает. Хотя по маме я скучаю, а вот по отцу – не очень. Все мое детство он пытался найти дело, которым будет заниматься самоотверженно, а не работать «на дядю», и эти муки

отца провоняли все мое детство, заставляя думать, что отец неудачник, раз не может делать то, что на самом деле хочет, – работать на себя. Ежедневные отчеты об унижении, которое он вынужден терпеть, чтобы заработать на еду, и сокрушения об огромных деньгах, которые его трудом заработались и все до единой копейки достались «дяде», угнетали. В моих глазах отец был слабым человеком, которого все использовали как хотели. Не понимаю, отчего его так бесила перспектива работать на кого-то, зарабатывая при этом столько, сколько нужно для комфортной жизни? Ну, сейчас у него есть то, что он хотел – бизнес по перепродаже подержанных иномарок, весьма успешный: настолько, что из трехкомнатной квартиры в Москве они переехали в огромный загородный дом под Орлом. Честно признаться, я не знаю, сколько отец вложил в этот дом, но выглядит он очень дорогим. Одно плохо: оттуда добираться до поликлиники или какой-нибудь внятной инфраструктуры можно только на машине, что не очень удобно, особенно маме. И это заставляет за нее переживать, ведь приступ панической атаки может случиться в любую секунду, и не всегда понятно, что его вызывает.

Например, приступ могли спровоцировать этот жуткий месяц, в течение которого я осознал, что Кати в моей жизни больше нет, и понимание, что на работе пришел полный и однозначный капец. Как я и предполагал, начальник решил свалить и ждал подходящего предложения от другой компании. Но я думал, что у меня в запасе есть несколько лет, ну минимум – месяцев, а лучше год. Мне нужно было личное время, когда я смогу написать свой код, который заставит машины оборачивать время вспять, но начальник известил всех, и в том числе меня, что покинет компанию через две недели. Это было три недели назад, и уже неделю начальник – не я. Руководство приняло решение назначить руководителем нашего отдела начальника из другой продуктовой линейки, объединив отделы под ее началом. Сначала я расстроился, что выбрали не меня, а потом пришел в отчаяние: у этой дамы такие шары, которые мне и не снились даже.

Первым делом она ввела систему мониторинга компьютеров, которая раз в сутки (в неизвестное никому время) копирует всю информацию, хранящуюся на компьютере, а также на подключенных к нему внешних дисках и облачных хранилищах; фотографирует рабочий стол на мониторе каждые пятнадцать минут и проводит сканирование, определяя, чем занят сотрудник. Она также ввела систему «Идея на миллион», включив в бонусный план каждого сотрудника минимум пять идей в месяц, которые мы должны были проработать и презентовать на общем совещании. А еще завела систему электронного контроля за прибытием в офис и походами в столовую, туалет и на улицу. Раньше я любил выйти и размяться, прогуляться в парке, постоять в курилке с коллегами или выпить кофе в «Старбаксе». Теперь это порицалось!

Но, как всегда говорит моя мама: все, что ни делается, – все к лучшему.

9

Совсем не удивительно, что в моей голове прочно поселилась мысль бросить все к чертовой матери и заняться «Большим братом». Правда, для этого нужно решить важный вопрос: ресурсы. В это емкое слово вкладывалось многое – и люди, и помещение, и техника, и деньги на все это. И если предположить, что мой развод с «Передовыми технологиями» может пройти удачно, быстро и принести мне немало денег, то их явно не хватит на то, чтобы сосредоточиться только на «Большом брате».

Я перестал писать Кате, перестал думать о ней специально, и понемногу тревога отпускала, но приходила тоска. Я не знаю, почему она пришла только сейчас, а не раньше, – например, в первые дни нашей трехлетки, – но это случилось сейчас. Я думаю, это как-то связано с тем, что трехлетку я воспринимал как перерыв, а теперь это расставание.

И, казалось бы, ведь она не мертва, ведь она мне не жена и даже не девушка, не сестра и не мать. Но отчего так больно? Этому вопросу я посвятил несколько дней, и все равно ответ пришел ко мне извне – от мамы.

Мы сознаваемся каждый день. Иногда в обед, но обязательно – по вечерам. В один из таких звонков мама сама подняла вопрос о Кате.

– Вы так и не стали общаться снова? – спросила она.

Конечно же, мама была в курсе, что у меня есть Катя. И она знала, что три года назад мы решили сделать в наших странных (для нее) отношениях перерыв. Она так их называла потому, что не видела ни у меня, ни у Кати тяги в сексуальном плане, не было влюбленности и того, что обычно происходит между мужчиной и женщиной. Мы – друзья, и это было видно всегда и невооруженным глазом.

Но мама не знала, в чем смысл этого перерыва. Тогда я не рассказал ей, потому что даже не подумал, что ей может быть понятна цель такого решения. А сейчас, когда три года минуло и уже давно не кажется, что мама глупее меня, мне стыдно признаться, что мы с Катей посягнули на святое: испытать дружбу временем.

– Нет, мы не общаемся. Раньше было какое-никакое общение, но и оно иссякло.

– Дай угадаю: ты удивляешься, почему тебе это причиняет… м-м-м… душевную боль?

Вот в чем мама неумолима, так это в стереотипах. В ее понимании мужик – черствый сухарь, в котором нет ничего тонкого. Нет того самого вещества, которое есть в каждой женщине и которое в народе называется «тонкой душевной организацией». По ее пониманию, у женщин эта организация выглядит как сложная система сообщающихся сосудов, в которых плавает невесомая бледно-розовая эфирная душа, а у мужиков вместо этого – огромный закопченный ломоть из окаменелых слюней и слипшихся волос.

– Да, мама, – с раздражением ответил я, – я испытываю нечто такое, что женщины могли бы назвать «душевной болью». Представь себе.

– Не хами матери, – строго сказала мама, – вы с отцом взяли в последнее время моду мне дерзить. Отхожу вас обоих солдатским ремнем, оптом. Отсыплю по первое число при первой же встрече, запомни мои слова.

– Мама!

– И не мамкой, давай я лучше помогу тебе с этой твоей болью.

Я приготовился слушать какую-нибудь отповедь вроде того, что сросшиеся души людей при разрыве кричат от боли, и люди это слышат. Мужчины, конечно же, слышат хуже, чем женщины, ведь у женщин более утонченный слух на такие вещи. Но я всегда был немного более ранимый, чем полагается настоящему мужику, и в моем ломте слюни отливают розоватым…

Но мама сказала совсем другое.

– Нет ничего странного в том, что ты ощущаешь боль. Я помню, как вы с Катенькой дружили. У вас было по-настоящему. Хотя сомневаюсь, что к дружбе можно применить «настоящая». Дружба или есть, или ее нет. Такие чувства не могут исчезнуть бесследно, это понятно. Это ведь то, что люди называют любовью, только безекса. Я бы так определила дружбу – любовь безексуальной составляющей. Уважение, взаимный интерес, эмпатия, доверие, готовность делить горести и радости... Все то же самое. Считай, что ты потерял любовь. И не удивляйся, что тебе больно. Так и должно быть. Это означает, что ты человек. И что у тебя есть чувства.

В горле набух ком. Я не ожидал, что мама так глубоко понимает мои чувства, если даже я не осознаю их до конца. Мне захотелось поделиться с ней всем, что происходит в моей жизни. И я рассказал ей о работе, о своих мыслях бросить все и начать свое дело. И, на удивление, нашел в маме союзника.

– У твоего отца дела идут совсем неплохо, – сказала она мне. – А тебе скоро тридцатка: ни ребенка, ни котенка. Начинай что-то свое, это гены, сына. Ты не сможешь работать «на дядю», пожалей свою будущую жену – найди себя до того, как найдешь ее. Уж я-то наелась этих поисков за жизнь. Лучше бы за военного замуж вышла, там хотя бы понятно, куда и зачем мы постоянно переезжаем.

– Мама, ты переехала всего раз.

– Мне хватило. Как вспомню этот ужас, так руки трястись начинают от злости. Чего я только ни пережила с этим переездом! Твоему же отцу было на все плевать: какие обои, да какая грузовая компания, да во что чайный сервис упаковать. Все – я, все на моих хрупких плечах.

Тут я спорить не стал. Переездом действительно целиком и полностью занималась мама. От сборов до ремонта дома. Отец был в полубезумном состоянии, озабоченный проектами и новыми клиентами, а вся эта хлопотня легла на маму.

– И с деньгами мы поможем, – сказала она, – поддержим твои штаны, когда совсем исхудаешь.

– Спасибо, мама.

Этот разговор, длившийся на удивление недолго, вселил в меня какие-то силы. И я начал разводить бурную деятельность прямо с утра. Первым делом сообщил начальнице, что хочу уйти. Она восприняла новость спокойно и только спросила: «Когда?» Я сказал ей, что у меня нет предложений и я хочу заниматься своим делом, поэтому срок особого значения не имеет.

В конце дня со мной связались из HR и предложили побеседовать. Я ожидал, что они будут уламывать остаться, но ничего подобного. Мне разъяснили процедуру, спросили мнение по поводу выходного пособия и предложили подписать бумаги. Я прочитал их внимательно и подписать отказался.

– Можете объяснить причину? – спросила девушка из HR. У нее были очень красивые глаза, и я загляделся. Она смотрела на меня ласково и участливо, и, зная нашу компанию, я понимал, что ей от меня что-то нужно.

– Елизавета, в бумагах написано, что все исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, которые я создал, отходят к работодателю.

– Верно, так по закону.

– Если бы это было по закону, не потребовалось бы ничего подписывать, – возразил я. – А если вы что-то просите подписать, значит, это не по закону, и я могу забрать права с собой.

На том разговор закончился, и мы вернулись к нему только спустя неделю. В более обширном составе: присутствовали юристы, много важных шишек и директор по персоналу. На встречу я пришел с адвокатом, которого нашел по объявлению в интернете. Там-то и выяснилось, что принадлежащие мне права, которые я действительно мог забрать с собой, стоят ни много ни мало целых двадцать пять моих окладов! Ошарашенный, я согласился передать все

права и подписал бумаги. Мне пришлось отстегнуть адвокату целый оклад, но, учитывая, что я рассчитывал только на три, плюсов оказалось больше.

Теперь я был свободен и мог заняться «Большим братом».

10

Зал судебных заседаний – это центр напряжения. Несмотря на то, что еще никого не было, в воздухе потрескивало. Это был большой, красивый зал с деревянной мебелью – скамьями в два стройных ряда, массивным столом судьи и креслом, больше напоминающим трон. Зрителей от процессуальной сцены отделяла величественная перегородка, с одной стороны которой вросла прутьями в потолок угнетающего вида клетка с потрескавшейся скамьей, а в середине зала стояла трибуна для дачи свидетельских показаний. Напротив клетки висела большая плазменная панель, на которой лениво вращался логотип суда. Пахло мебельным полиролем и архивной пылью.

Потерпевшие и их родственники приходили за возмездием, хоть государство его никому и никогда не обещает; подсудимых приводят за карой, хотя по закону ее быть не может. Свидетели, эксперты, судебные секретари и прочие клерки приходят, чтобы выполнить долг, хотя никто им не сказал точного определения этого их долга. И каждый надеется, что центром внимания и осуждения станет кто угодно, только не он.

Я чувствовал себя ровно так же, поэтому и пришел пораньше, до начала судебного заседания. Освоиться, не бояться стен и понять, что этот зал – самое обычное помещение, в котором происходят самые обычные вещи. Люди говорят, спорят, что-то выясняют, а потом один человек, которого наделили властью, куда-то уходит и принимает решение, а все остальные обязуются его исполнить. Разложив все на примитивном уровне, я приказал себе успокоиться.

Я справлюсь. Я должен справиться.

Первой в зал вошла прокурор Анастасия Викторовна. Ей было чуть за сорок, но выглядела она очень хорошо, и не сказать, что всю ночь не спала, как и я. Загорелая, отдохнувшая и всегда улыбающаяся, хотя улыбка ей не идет, как ни странно. Наверное, в своей жизни я впервые встретил такого человека. Улыбка делала из ее строгого лица смешную гримасу, которую не стоило демонстрировать общественности. Анастасия Викторовна была в прокурорской форме, сильно смахивающей на старую милиционскую; короткие волосы зачесаны назад и прижаты стальным ободком. В руках две толстые папки с документами, бутылка воды и мобильный телефон. Она сложила вещи на столе и подошла со словами:

– Доброе утро, Роман.

– Здравствуйте.

– Когда начнется судебное заседание, вам придется выйти. Вы свидетель и не можете до выступления слушать происходящее.

– Я понимаю, – ответил я и спросил: – Сейчас уйти?

– Нет, судья застрял в пробке, процесс начнется минимум через полчаса. Хотите, обсудим еще раз ваше выступление?

– Думаете, стоит?

– В моей практике такого еще не было, и неплохо пройтись хотя бы по основным моментам. Дело все-таки деликатное.

Ну да, еще бы. Деликатнее не придумаешь. Все дело, которое было тщательно сшито, развалилось от моих показаний. Но я не собираюсь никого осуждать, поскольку виновата в этом только Анастасия Викторовна, она и больше никто. И она признала вину и придумала способ, как все исправить. Нашла меня спустя несколько месяцев после гибели Кати. Просто позвонила и сказала, что ей очень нужна помочь, потому что иначе случится страшное.

В тот день мне было плевать, что может произойти у невзрачной скалящейся женщины. Я потерял Катю и ушел с работы, надеясь за несколько недель допилить «Большого брата», но не продвинулся ни на шаг. Творческий порыв испарился вместе с горем, которое выветривалось быстрее, чем того позволяли приличия. Сороковой день после ее смерти я встретил без слез, а

только с легкой тоской, которая не помешала напиться тем же вечером в баре и уехать домой с двумя девушкиами наилегчайшего поведения. Утром оказалось, что они вовсе не проститутки, поскольку очень оскорбились, когда я попросил выставить счет.

Анастасия Викторовна ворвась в мою жизнь телефонным звонком, сообщив, что только я могу предотвратить серьезную судебную ошибку, которая вот-вот произойдет. И это не терпит отлагательств. Она попросила бросить все и выслушать. Учитывая, что из дел на тот момент были только туалетные, я согласился и продиктовал адрес, и она заявила, продемонстрировав мне саблезубую улыбку, от которой стало тошно.

Ее рассказ поверг в шок. Но еще больше я был шокирован, что в таком деле помочь может только обычный человек и только словами, не подкрепляя их ничем.

– Понимаете, – сказала она, – дело очень тонкое и деликатное. Вы обязаны исправить ошибку, которую я совершила. Ни я, ни судья не можем дать делу задний ход, это против закона.

– Но есть адвокат. Подкиньте идею ему.

– Этого сделать не могу, тогда у судьи не останется выбора, кроме как оправдать подсудимого, а это невозможно. Несмотря на то, что я только что сказала… в общем, достоверных доказательств, что подсудимый полностью невиновен, на сегодняшний день нет. Но есть свидетели и основания полагать, что в одном из двух вариантов я ошиблась. Но в каком именно, я не уверена.

– Так, может быть, для этого и нужен суд, чтобы разобраться и осудить виновного?

– Для этого надо, чтобы на скамье было двое подсудимых, – сказала Анастасия Викторовна, – а там только один.

– Ну так подсадите еще одного.

– Так нельзя, – сказала прокурор. – Это так не работает.

– И поэтому вы просите солгать в суде?

– Я не прошу вас лгать в суде, я прошу вас деликатно сказать правду, поскольку портить все напролом нельзя, это может быть чревато, – поправила меня Анастасия Викторовна.

– И все же я не понимаю, почему нельзя сказать судье как есть и попросить ее или его помочь с процессуальными деталями, – сказал я.

Действительно было непонятно. Да, есть ошибка. Прокурор признает. Почему дело нужно оборачивать вспять не правильными способами, а прибегать к суррогату из лжи и недосказанности? Разве так можно?

– Судья в курсе, – ответила Анастасия Викторовна, – и именно поэтому я здесь. Вы – единственный выход. Если откажетесь, то подсудимый получит приговор, а тот человек, который должен быть на его месте, останется на свободе.

– Звучит как бред, – сказал я.

– Подумайте, пожалуйста. Есть два дня. Если согласитесь, проработаем выступление. Предстанете перед судом и исправите мою ошибку. Прошу вас подумать дважды.

И ушла, оставив меня размышлять с тем наискрупнейшим объемом информации, который был. Она не ответила на вопросы, не согласилась посвятить в детали и не объяснила, почему я оказался кому-то что-то должен. И почему не могу принять решение один раз, зачем обязательно думать дважды.

За два дня ничего не изменилось. Код «Большого брата» завис на моменте, который ранее я упустил. Теперь предстояло вернуться на несколько шагов и переделать заново. Для этого требовалось мужество и куча времени. По сути, и то, и другое было, но вот с волей не дотянул.

Я старался отбросить мысли о необходимости принять решение о предстоящем судебном процессе, чтобы сосредоточиться на коде, но не получалось. Сначала думал, что пугает только перспектива сказать неправду. Но на самом деле – принять решение: выступать в суде или нет.

Как только я решил, что выступать буду, дело сразу пошло. Не то чтобы я сразу же преодолел затык в работе, нет, но я хотя бы понял, в чем дело, а дальше – дело техники: раскрутить на винтики и снова собрать.

Во второй раз Анастасия Викторовна приехала поздно ночью, почти в половине второго. Сильно извинялась в предварительном звонке, но так же деликатно настояла на встрече, поскольку дело продолжает быть неотложным. Мне пришлось принять душ, ведь весь день я провел за компом и порядком протух, а к дамам я в тот вечер не собирался, поэтому увалился спать вонючкой, решив утром поменять простыни.

Выглядела она не лучше моего, пахла примерно так же. За чашку горячего кофе благодарно ослабилась, отбив настроение быть гостеприимным хозяином. Потом уселась в кухне в мое кресло, подобрав под себя ноги, и на несколько мгновений закрыла глаза, держа чашку в руках. И уснула аж до храпа. Пришлось кашлянуть, чтобы она пришла в себя. Видимо, конфуз ее смущил, потому что она снова показала зубы в благодарность, что разбудил, и эта ее благодарность пугала.

– У вас удобное кресло, а день был насыщенным, – извинилась она, все еще не стерев с лица улыбку. – Прошу прощения. Что вы решили по поводу моего сообщения два дня назад?

– Я решил, что дам показания, – ответил я. – Но на условиях.

– Каких?

– Лжеświadczestwo в суде – уголовно наказуемое деяние, и я хочу получить гарантий, что мне за это ничего не будет.

– А вам будет, – ответила Анастасия Викторовна. – Еще как будет. Если об этом кто-то узнает, то будет. И я обязана предупредить. Когда на скамье окажется тот самый человек, адвокаты будут проверять каждую ниточку в ваших трусах на предмет лжи. И если что-то унюхают, нам несдобровать.

– Нам с вами?

– Как видите, главная гарантия – это я, – ответила она и кисло улыбнулась. – На вашей кухне. Если лодка пойдет ко дну, то в ней мы будем вдвоем.

– А как же судья?

– А судья при чем? У судьи есть несколько вариантов, как поступить. И не факт, что он примет нашу сторону, когда я, образно говоря, в суде разденусь догола и попрошу считать это актом творчества. Он может назвать это неуважением и наказать.

– А меня?

– А вас посчитать заблуждающейся стороной процесса и попенять. В любом случае на этом этапе вам ничего не угрожает. В опасности будете во втором процессе, когда дело дойдет до нового суда.

– То есть как это будет? Я понимаю, что вопросы кажутся глупыми, но прошу объяснить на пальцах.

Она вздохнула и поставила пустую чашку на стол. Я переместил ее в раковину.

– В текущем процессе достаточно доказательств, чтобы судья ушел в совещательную комнату и вынес по делу приговор. Далее будет вот что: рано или поздно выяснится, что осужден не тот. Найдутся обстоятельства, которые вскроют и ошибки в свидетельских показаниях, и откровенную ложь, и пропавшие вещественные доказательства, которые не вшивались в дело. И на этом основании дело будет пересмотрено, осужденный оправдан и отпущен, а все участники процесса призваны к ответу. Все тайные свидетели станут явными и будут с пристрастием допрошены, и никто им не поможет, никто не защитит. Они просто вылетят в трубу осуждения и будут покрыты позором и уголовным наказанием. Начнется новый суд, который, скорее всего, развалится, потому что показания и доказательства ранее были установлены в суде и легли в основу обвинения другого человека. Их, скорее всего, отбросят все до одного, а ресурс-то исчерпаем. Доверия к свидетелям нет, вещественные доказательства дисквалифицированы, подсудимый потребует присяжных,

которым адвокаты за тысячу долларов в час в красках опишут, что по эпизодам осудили человека да оплошили и сейчас снова пытаются ошибиться. Перспектива очень и очень слабая – скорее всего, в этом развитии оба подсудимых окажутся добропорядочными мальчиками, а девочки, я хочу подчеркнуть – обе, в могилах.

Анастасия Викторовна с грустью посмотрела на чашку в мойке. Пришлось сделать еще кофе. Взял в руки вторую чашку, она легонько улыбнулась – наверное, зная, что неподготовленным людям ее улыбка во всю ширь не нравится, – и продолжила:

– Судья внезапно перенес заседание на завтрашнее утро. Поэтому я задержалась, готовилась к процессу. Собственно, здесь я по той же причине: подготовка еще не закончена. Если завтра вы выступите в суде с показаниями, которые сейчас обсудим, то судья, если будет в себе, отправит дело на дополнительное расследование и оставит подсудимого за решеткой. Я смогу управлять расследованием и потребовать, чтобы свидетелей передопросили, а улики перепроверили. Теперь, когда есть заключение от судебно-медицинских экспертов, я докажу следователю, что он ошибся, обвинив только одного человека. Я не уверена, что он вообще виновен, но это надо тщательно расследовать. В условиях суда это невозможно.

– Но как так получилось, что свидетели наврали?

– Никто не наврал, – сказала Анастасия Викторовна, управившись со второй чашкой кофе, – все сказали правду. Недосказали кое-что и кое-что приукрасили. Я понимаю, что в нескольких деталях произошла путаница, которую вы можете принять за ложь, но прошу не забывать, что дело действительно деликатное…

– Этим вы пытаетесь оправдать вранье?

– А какой еще выход? Я точно так же сидела на кухнях десятка свидетелей и просила их дать показания так, чтобы они вписались в общую логику. Никто ничего не видел, никто ничего не может доказать. И ваши показания ничего не докажут. Все, что они сделают – внесут смуту в текущий процесс. А дальше будет работать следственная группа. Но уже под моим контролем.

Я смотрел на уставшую женщину и не понимал, почему я собираюсь ей помогать. Кате уже было все равно: где бы она ни была, едва ли завтра спустится на землю, чтобы посмотреть на процесс. И даже если случится справедливость, – пусть не завтра, а через несколько месяцев (ладно, пусть лет), – ей от этого легче не станет. Она от этого живой не вернется. А я вполне легко могу вырастить толстенные геморроидальные шишкы и рискнуть не только репутацией, но и жизнью, потому что чую, что под «деликатным делом» понимается какая-то увесистая шишкка, которую отмазали, а она зарвалась и сейчас начала творить чудеса. И проще шишку посадить, чем контролировать.

И, в общем-то, плевать на них всех: отмазанного, подсудимого, лжецов в этом процессе, равно как и на Анастасию Викторовну и судью, который не можетпротрезветь от одурманившей его гордости и понять, что собирается осудить невиновного. На всех с высочайшей колокольни!

Но я все же в зале суда, чтобы сказать то, что требуется. Тому причина – Катя, которая в последнюю нашу встречу доверила секрет и попросила охранять его так, словно он был моим. И это выступление – не дань уважения Кате и не помощь ей, это выполнение обещания. Если завтра я не развалю процесс, то виновный человек будет безнаказанно жить дальше. Будет думать, что ему все позволено и он неуловим, непобедим и никакие законы не писаны. И эта маленькая Катина жизнь, доверенная мне, не будет стоить ничего. Этого допустить я не могу.

11

В последний раз я видел Катю осенним вечером, когда она сама позвонила и попросила приехать на Ленинградский вокзал. Сказала, что хочет поговорить и будет рада увидеться.

Первой мыслью было отказаться. Я ведь решил, что должен дать ей возможность жить самостоятельно. Жить, не оглядываясь на меня. Жить без расчета на мою помощь.

Но приехал.

Я совсем не удивился тому, что она выпившая. Не то чтобы прямо вдрызг, но за руль точно нельзя. Видимо, выпитое сняло барьеры, и, завидев меня, она вскочила с места и кинулась обниматься, попутно сообщая, что скучала.

Место для встречи она выбрала странное – уличная веранда питейного заведения, выходящая на загруженную Краснопрудную улицу. Был прохладный пятничный вечер, машин много, а вот людей в заведении совсем нет. Мы единственные, не считая выпивающих официантов за соседним столиком. Как оказалось, славу этому заведению приносили не только сервис и кухня, но и цены. Официанта ждали минут двадцать пять, а заказ принесли, когда мы собирались уходить. При этом еда была холодной и невкусной, а счет – астрономическим. Если бы мы пришли сюда, чтобы приятно провести вечер за едой и выпивкой, то, конечно же, были бы очень расстроены. Но мы собирались здесь совсем не за этим.

Катя некоторое время трепалась ни о чем, стараясь не выдать волнения, но я видел, что ее что-то тревожит. Как будто было что-то, что она хотела рассказать, но мучительно оттягивала момент, потому что не понимала, чего хочется больше: рассказать или сохранить в тайне.

В какой-то момент беседа подошла к той точке, когда приходится принимать решение: или говорить то, ради чего собирались, или прощаться и расходиться. Я не торопил, решение должно быть за ней.

– Я совсем запуталась, – сказала она наконец. – Я уже не знаю, что хорошо, а что плохо.

Я молчал. Этого было слишком мало и могло означать что угодно. Больше не попадусь. Если Катя что-то действительно собиралась рассказать, то пусть говорит сама. Ничего вытявливать не стану. Я решил это твердо, и пришлось прикусить себе язык, чтобы не начать спрашивать.

– Алкоголь мне действительно помогает, – продолжила она, – и я не знаю, как бы я справлялась на трезвую. Я пробовала перестать. Но тогда в голове происходит что-то страшное. Там кто-то начинает жить и рассказывать, как я неправильно поступила и продолжаю поступать. Это даже не кто-то – это что-то, это паразит. Он питается жизненными силами, не дает встать с кровати, не дает жить. Он выедает изнутри, пока я трезва. Как только я выпиваю, отступает. Только дозу приходится увеличивать. Сначала помогало немного, а потом, после пары бокалов, я продолжала думать и обдумывать, раз за разом. Поэтому трезвой я практически не бываю. Я ничего не рассказала бы тебе на трезвую голову. Вот только выпив, говорю.

Она недолго замолчала, чтобы допить пиво из горла, игнорируя условно чистый бокал. Отставив пустую бутылку подальше, сказала:

– Я хочу рассказать тебе кое-что. Кое-что, что собиралась оставить при себе навсегда. Об этом никто не знает, но, возможно, потребуется помочь. Я думала, все в прошлом, но, видимо, снова придется пройти через это. Ты поможешь?

В последнем вопросе была вся Катя. Прежняя Катя, которая умела говорить так, словно каждое предложение было вопросом. Она не говорила так, когда была пьяна. Не говорила так, когда была расстроена. Она говорила так только тогда, когда была готова к разговору. И я понял, что время пришло. То самое, когда она, наконец, скажет.

– Да, конечно, помогу.

– Я была беременна. И я сделала аборт, потому что меня изнасиловали…

…В эту историю совсем не трудно было поверить, потому что все типично. Частная вечеринка, много выпивки, странные знакомства и неожиданный отъезд с новым лучшим другом, с которым можно разделить весь мир. Хмельная голова, адреналин впечатлений, ночная Москва – все прекрасно в студенческие годы. И очень странно слышать от женщины, которая строит карьеру и пытается наладить жизнь. Я не подозревал, что Катя так жила.

Катя рассказала мне об одном из таких дней. Том самом, когда ей так нужен был я. Этот день не был роковым. К тому моменту уже начались серьезные проблемы с алкоголем и с непониманием, что делать дальше. Я ошибался на этот счет. Я думал, что она начала пить как раз после. Но случившееся стало следствием образа жизни: когда проще быть пьяным, чем принимать реальность.

Она не помнит, как оказалась в машине с тем человеком. Помнит только, что на вечеринке назойливо приставал другой мужчина, от которого она пыталась скрыться. Она сделала все, чтобы пропасть из поля его зрения, и оказалась в машине у человека, с которым собирались провести эту ночь. И они действительно ее провели – катались по ночной Москве, выпивали, подобрали еще одну девушку, чтобы было веселее, и, в конце концов, отправились к нему домой продолжить веселье.

Она без стеснения рассказала, что случился секс на троих, а потом она крепко уснула, а когда проснулась, то увидела на себе того самого парня, от которого сбежала с вечеринки. Он насиловал ее, в комнате больше никого не было. Уже потом она увидела, что тот, с кем она приехала, был вырублен и лежал на полу в кухне, а девушка, которую они подобрали, спала в ванной комнате, скрючившись креветкой. Когда все закончилось, насильник ушел, словно ничего страшного не произошло. А Катя осталась наедине с собой, убитой и раздавленной, словно по ней проехала фура, груженная грязным бельем.

А потом узнала о беременности. Вариантов не было: это тот самый насильник, потому что парень, с которым секс был добровольным, использовал презерватив – это она помнит отчетливо.

Катя сделала аборт на раннем сроке и пыталась забыть обо всем, но не получалось.

Я не знал, что сказать. Я подозревал, что с Катей случилось что-то плохое, но это было действительно ужасно. Мне стало ее жаль, и я обнял ее. Она отстранилась и сказала:

– Это не все. В той квартире случилось еще кое-что. Кое-что ужасное.

Когда она пришла в себя, ей захотелось смыть с себя все, даже кожу. Она приползла в ванную комнату, где нашла ту девушку, скрючившуюся, словно маленький ребенок. Катя попыталась привести ее в чувство, но ей самой было очень плохо. Она полезла было в душ, но увидела кровь – огромную лужу. Кровь затекала под ванну, и увидеть ее можно было, только если встать в полный рост. Катя стало еще хуже, она закричала, попыталась оказать какую-то помощь девушке, но та была мертва.

– Сзади на шее зияла огромная рана. Просто гигантская. Он пырнул ее ножом сзади и бросил умирать на полу в ванной. А потом ее бросила я… Потому что я подлое и низкое существо, которое побоялось запачкаться в крови.

Видимо, от увиденного организм собрался, и Кате удалось одеться и уйти из квартиры. Она спустилась, села на лавочку соседнего подъезда и стала ждать чего-то. Вскоре подъехали «скорая» и полиция. Катя вызвала такси и уехала.

– Когда такси отъезжало, – сказала она, – я увидела, как из подъезда в наручниках выводят парня, с которым мы катались по Москве. Он ничего не понимал. Он был без сознания, его привели в чувство и показали мертвую девушку в ванной. Теперь он сидет, если я не помогу. Но я не могу помочь.

– Почему? Ты можешь прийти в полицию и рассказать правду!

– Тогда подозреваемой стану я. Там мои следы. Всюду отпечатки, слюна, пот. Я даже трусики там оставила, понимаешь? А тот ублюдок… Его не посадят. Я выяснила, кто это. Ни

дня в своей жизни не работал. И при больших деньгах. Он просто зарезал ее – и ушел. Ты понимаешь, насколько он бесстрашен? Ему море по колено. Он ничего не боится.

Катя включила телефон и показала фото человека, самого обычного. Вот только выглядел он действительно так, словно ничего в этом мире не может причинить ему вреда. Абсолютное и безоговорочное бесстрашие. Катя пролистала несколько снимков его профиля в Instagram, и на одном он был кем-то отмечен. Я запомнил имя – Павел Никифоров.

– Если ты боишься за свою жизнь, то полиция обеспечит безопасность. Ты будешь тайным свидетелем! Ты можешь жить у меня, я буду тебя охранять!

Катя засмеялась.

– Это, конечно, очень мило, но... как ты сказал? Жизнь? Ты мое существование жизнью называешь? Нет, Ромка, с такой жизнью я расстаться не боюсь. Я боюсь совсем другого.

И больше ничего не сказала. Вообще. Никогда.

12

И вот я в суде. После бессонной ночи, двадцати кружек кофе, со вспухшими глазами и чугунной гудящей головой. Сижу и пялюсь в сцепленные пальцы, как будто в них спрятана та маленькая Катя. Ей страшно, но она уверена, что в этот раз я не подведу.

– Судебное заседание начинается. Просьба к свидетелям покинуть зал суда, – объявила секретарь.

Я встал и вышел.

13

...из протокола судебного заседания по уголовному делу № 8169-02 в отношении подсудимого К. 1988 года рождения. Протокол ведется посредством машинописи секретарем судебного заседания Прохоренковой Ю.Ю., без использования средств фиксации. Судебное заседание по постановлению районного судьи Трофимовича С.А. проводится в закрытом режиме. Районный прокурор Стрельникова А.В., поддерживающая обвинение подсудимого К., ведет допрос свидетеля Р., личность которого сохранена в тайне в порядке части 5 статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях обеспечения безопасности свидетеля, то есть без оглашения подлинных данных о личности свидетеля. Допрос производится в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства.

Судом и прокурором установлены дата, время и место событий, о которых идет речь в допросе.

Прокурор Стрельникова А.В.: Где вы были в установленные судом дату и время?

Свидетель Р.: Я находился в доме по адресу (адрес изъят по постановлению суда). Приехал в поисках своей подруги, которая в настоящем деле названа потерпевшей Л.

Прокурор Стрельникова А.В.: То есть с потерпевшей Л. вы были знакомы? А с потерпевшей Р. и подсудимым?

Свидетель Р.: С Л. я знаком со школы, мы были друзьями. С Р. и подсудимым до того дня мы знакомы не были. Вернее, не были знакомы с подсудимым, поскольку, когда я вошел в квартиру, Р. была уже мертва.

Прокурор Стрельникова А.В.: Расскажите, как вы оказались по указанному адресу, как вошли в квартиру и что увидели.

Свидетель Р.: За несколько недель до этого дня мы с Л. повздорили по личным причинам. Это никак не связано с выясняемыми обстоятельствами по настоящему делу, поэтому я обозначу только вкратце: я разработчик программного обеспечения, и я рассказал Л. о своей разработке. Суть ее Л. не понравилась, и на этой почве мы повздорили и не общались друг с другом несколько недель. Точнее, три недели. От общих знакомых я узнал, что Л. злоупотребляет спиртным, и попытался ее разыскать, чтобы сделать ей внушение. Несколько дней она не отвечала на звонки, и я стал переживать. В тот день – это было ночью, даже ранним утром, – она позвонила сама. Плакала в трубку и сказала, что в большой беде и случилось ужасное. Я спросил, где она. Она отправила мне свои координаты и указала номер квартиры. Я приехал на попутке к указанному адресу, поднялся на третий этаж. Из указанной Л. квартиры вышел мужчина средних лет, белый, высокий. Он был в спортивном костюме, в белых кроссовках и белой бейсболке. От него пахло спиртным и одеколоном. Запах был сильным. Как будто он наступил в ведро с одеколоном. Он был напуган и оттолкнул меня, чтобы протиснуться, поскольку коридор был узким. Я хотел было его догнать, потому что испугался, что он может быть как-то замешан в том страшном и ужасном, о котором без уточнений говорила по телефону Л., но не стал, потому что услышал женский крик в квартире. Я ринулся туда, дверь была открыта. В квартире я увидел в ванной абсолютно голую Л., которая сидела на коленях возле мертвей Р. На кухне на полу лежал подсудимый, полностью одетый и без сознания.

Прокурор Стрельникова А.В.: Почему вы решили, что Р. была мертва?

Свидетель Р.: Потому что у нее была рана на шее сзади, весь пол в крови. Она была неподвижная и мертвенно-бледная.

Прокурор Стрельникова А.В.: Что было дальше?

Свидетель Р.: Я побежал и попытался оказать какую-то помощь. Л. была невредима, Р. помочь было нельзя. Подсудимый не откликался, я попытался привести его в чувство, но тщетно.

Прокурор Стрельникова А.В.: И что вы сделали?

Свидетель Р.: Я вызвал «скорую помощь».

Прокурор Стрельникова А.В.: Вы дождались врачей?

Свидетель Р.: Нет, я их не дождался. Я помог одеться Л., и мы ушли, оставив Р. и подсудимого одних. Мы ждали у соседнего подъезда, когда приедет «скорая», и, увидев ее, ушли.

Прокурор Стрельникова А.В.: Почему вы не дождались «скорую»? Почему не вызвали полицию?

Свидетель Р.: Я могу не отвечать на этот вопрос? Статья 51 Конституции России дает мне такое право, если я не ошибаюсь.

Прокурор Стрельникова А.В.: Действительно, можете. У меня все.

Прокурором заявлено ходатайство в порядке статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом, поскольку фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. Адвокат подсудимого Шушарев П.Н. и подсудимый К. возражений не имеют.

Ходатайство прокурора удовлетворено, о чем судом вынесено соответствующее постановление.

14

Новостей от прокурора не было. Меня затрепали панические атаки, пришлось обратиться к врачу. Но прописанное лекарство не помогало, приступы продолжались. Врач сказал, что, начавшись, они будут со мной долго, пока я не научусь жить так, словно их нет. То есть не буду бояться их появления, а когда они все-таки будут случаться, я должен постараться не впадать в панику, чтобы не усиливать и без того неслабый эффект. Только тогда, возможно, атаки перестанут приходить на жатву. Должны стать реже, а потом и вовсе прекратятся. К слову, ночью они больше не настигали, предпочитая вышибать землю из-под ног и бросать в пот и дрожь днем, чаще по утрам, когда я еще не понимаю, зачем проснулся и что собираюсь делать.

Мои деньги потихоньку таяли, а код все еще не был завершен. В лучшем случае к исходу восьмой недели тишины я протяну еще полгода-год, не больше. Но чтобы создать обходные пути главного затыка в программе, которая сможет оборачивать время вспять, мне потребуется год, если не полтора. Это длительный процесс, требующий концентрации внимания. Нужно изучить огромные массивы информации – основы всех (то есть реально абсолютно всех) программ, зацикленных на фиксации времени, до которых смогу дотянуться. Это очень много. Требовалась помощь.

Изучить все, что было нужно, можно двумя способами: руками (то есть привлечь помощников, но тогда они начнут поджирать худеющий бюджет) или написать соответствующее программное обеспечение, которое будет самостоятельно искать информацию. Легко сказать: сделай прогу, пусть пашет она, а не ты. Ее ведь нужно протестировать и проверить результаты. Это тоже отнимет силы, и время.

Поэтому я задался целью найти либо инвестора, на деньги которого я найму людей, а потом поделюсь доходом, либо единомышленника, который будет в доле и разделит весь вал работы.

Программисты и разрабы, которых я знал, были парнями скучными, сидящими на нехи-лых зарплатах в ИТ-компаниях, и совсем не интересовались ничем, кроме работы и налажен-ного быта. Вот как были задротами в универсе, так и остались. Стать причастными к техноло-гическому прорыву им не хотелось, ведь это время и силы, а деньги они и так зарабатывают, лишние копейки никто считать не привык. А не копейки пока обещать не могу.

Инвесторы хотели слишком много: идею на блюдечке, гарантии «выхлопа» и долю в 70 процентов, а не в 15, которые я собирался предложить. В общем, туговато.

Оставив обе идеи, я плотно сел за работу и приказал себе решить проблему с анализом массива данных за месяц, не больше.

Но не получилось, поскольку снова ворвалась Анастасия Викторовна. Как и прежде, все началось со звонка спустя две или три недели после судебного процесса.

– Мы наделали беды, – сказала она, и я почувствовал, как похолодел. – Дело разваливается еще сильнее, и ключевая проблема как раз в том, что сказали вы. Следователь не может игнорировать выясненные в ходе судебного заседания факты, и у него никак не вяжется ваше присутствие с тем, что ему ранее было известно.

– То есть как?

– Согласно имеющимся сведениям, ваша подруга действительно оставила убитую на полу в ванной комнате, а того парня – на кухне без сознания. Но есть свидетельница, которая подтвердила, что водитель вступил в половую связь с ними троем – убитой, вашей подругой и ею самой, и никого постороннего в квартире не было. Допустим, убийца пришел после того, как ушла она, и тут сходится, потому что именно убитая закрывала за ней дверь, но с момента, когда ушла она и когда приехала «скорая», прошло всего двадцать семь минут. Свидетельница

вызвала такси. Это я упустила из виду совершенно! За это время водитель, наш неудавшийся подсудимый, должен был одеться, лишиться сознания, в квартиру должен был прийти убийца и убить жертву, а также выйти из квартиры и столкнуться в подъезде с вами, а вы еще должны были войти в квартиру, все увидеть, попытаться оказать помощь и вызвать «скорую».

– А еще я должен помочь Кате одеться, спуститься на первый этаж и усадить на лавочку у соседнего подъезда, – добавил я.

– Да, многовато для двадцати семи минут. Многовато.

– И что теперь делать?

– У вас есть какие-то мысли?

– У меня?! Вы серьезно?

Вот на тебе, Рома. Получай. Мало того, что по первому звонку я оказался обязан кому-то чем-то помочь, так сейчас я должен еще иметь какое-то решение, которое уложит все описанные и сказанные под присягой слова в заданные двадцать семь минут. Ровно такую же проблему пытаюсь решить я со своим кодом «Большого брата», то есть сделать невозможное возможным!

– Нет, решения у меня никакого нет.

– Но нам надо с вами его придумать.

– Иначе что?

– Иначе ничего. Иначе все понапрасну. Следователь не сможет завершить расследование.

– Ну а мне-то от этого что?

– А зачем вы согласились дать показания в суде? Ведь не просто же решили помочь? Какие личные мотивы были у вас, и почему они отпали сейчас, когда наступила стадия, в которой вы снова можете помочь?

– Но я не следователь и даже не юрист! – возмутился я. – Вас этому в университетах учат! Меня учили складывать цифры!

– Видимо, без цифр в этот раз не обойтись, – сказала Анастасия Викторовна. – И без вашей помощи тоже. Вы мне поможете? Опять?

15

Восемь недель работы, которые высосали жизненные силы. Под конец я думал, что это не прекратится никогда, и только обведенная красным кружочком дата в настенном календаре утешала: скоро это закончится.

Мы соединяли показания, которые я давал в суде, и те события, которые призваны обличить настоящего убийцу. События никак не желали склеиваться и укладываться в заданный интервал времени по одной простой причине: это неправда. Я не сомневался, что новый подсудимый, Павел Никифоров, действительно виновен в смерти «потерпевшей Р.», но что действительно произошло в тот день, я не знал. А значит, не мог об этом рассказать. Но я был вынужден, потому что иначе уголовное дело ляжет на самую пыльную полку, а убийца останется на свободе.

Я знал, как выглядит Павел – Катя показывала мне фото. Я тщательно изучил все опубликованные в сети снимки, а прокурор показала видеозапись допроса. Он молчал, не говорил ни слова – так ему советовал поступать адвокат. Следователь задавал вопросы, уточнял детали, зачитывал куски обвинительного заключения, а он ссылался на ту же статью, что и я в процессе – 51-ю Конституции России, которая позволяет не свидетельствовать против себя и близких.

– Я не понимаю, разве молчание – это нормальная линия защиты? – спросил я у Анастасии Викторовны в один из дней подготовки.

Она отвлеклась от длиннущего списка вещественных доказательств, которые теперь требовалось разложить в совершенно ином порядке, чтобы они подтверждали новую линию обвинения. Подумала и ответила:

– Уголовный закон таков, что обвинение должен доказать прокурор даже без участия обвиняемого и подсудимого. И при этом любые сомнения толкуются в его, обвиняемого или подсудимого, пользу. Если человека тащат под суд, доказательства должны быть железными. И это правило работает всегда.

– Но он ведь мог изложить свою историю, – сказал я и пожал плечами. – И пусть присяжные или судья решают, чья история – правда.

– Зачем? Чтобы запутаться во лжи и сделать очевидным то, о чем другие только догадываются? Проще молчать и разбивать обвинение. Я бы сказала даже – правильнее. То, что мы сейчас делаем, – очень плохо. Но без этого человек, который изнасиловал вашу подругу и убил девушку, останется на свободе. Если бы Екатерина могла говорить, если бы она была жива, вас бы тут не было. Я бы не делала того, что делаю, и не просила бы о помощи. Считайте, что вы – уста Екатерины, которой больше нет. И про изнасилование, кстати, также нужно будет сказать. Расширить показания. Я уже запросила все документы из женской консультации. По телефону мне подтвердили, что аборт был официальным, так что с доказательствами проблем не будет. Если все пойдет хорошо, то сможем возбудить еще и уголовное дело об изнасиловании.

– Но Катя мертва. Она не заявляла и сейчас не сможет заявить о случившемся, – напомнил я.

– Но это не значит, что преступления не было, – ответила Анастасия Викторовна.

Как бы нам сильно ни хотелось склеить все показания в единое полотно, пришлось признать, что при даче показаний я допустил ошибку. Анастасия Викторовна предложила сообщить суду, что в прошлом процессе я был атакован паникой, и приложить соответствующие медицинские документы, и именно поэтому перепутал кое-что, но сама же потом отбила это – если я перепутал события в квартире, значит, мог перепутать и подсудимого. Точно ли на полу лежал первый подсудимый? Может быть, это был Павел Никифоров?

– Нет, вариант не подходит, – сказала она. – Придется со смазкой втиснуть в эти двадцать семь минут все.

Мы работали то у меня дома (обычно по вечерам и ночам), то у нее в офисе. При этом в ее рабочий кабинет заходили какие-то люди, которым что-то было нужно. Она отвлекалась постоянно, пытаясь вникнуть во все и везде успеть. Я позавидовал такому умению. Сам я достаточно сложно переключаюсь между делами, часто теряю координацию и не могу вовремя сообразить, где границы одной задачи, а где начинается другая. Это, кстати, большой недостаток, над которым следовало работать плотнее, чем над «Большим братом», потому что в итоге работа должна сводиться к управлению проектом, а там всегда больше одной задачи. К слову, за все время работы над процессом я не продвинулся ни на шаг с кодингом «Большого брата», потому что внезапно открылась очень привлекательная перспектива: не работать над кодом вообще, а продать наработку в том виде, в котором есть. Конечно, за это я получу гораздо меньше денег, но зато смогу не тратиться на трудоемкий процесс, который неизвестно чем закончится. А если удастся продать программу сейчас, сырую и незавершенную, то я получу живые деньги и авторские отчисления на протяжении долгих лет. Как говорится, сделанное лучше идеального.

Целыми днями я проводил встречи с потенциальными покупателями и инвесторами, которые хотели выкупить продукт и перепродать. Я понимал, что они предложат его тем же людям, что и я, потому что рынок СОРМ очень узкий, игроков можно пересчитать по пальцам. Если в сделку влезет агент, пусть даже называющий себя инвестором, я потеряю большой шмат денег.

Деньги, которые мне сулили основные игроки на рынке, были примерно одинаковыми, плюс-минус пять процентов. Инвесторы же давали гораздо больше – на пятнадцать-двадцать процентов. Это означало, что можно смело поднимать на тридцать, и это будет адекватная цена, потому что инвестор по-любому накрутит минимум десять процентов своей маржи.

Вечерами, если Анастасия Викторовна подтверждала встречу, я несся к ней в офис (или бежал домой), и мы работали над концепцией обвинения, сколько хватало сил. Со временем я так втянулся в процесс, что, несмотря на усталость и откровенную неприязнь к тому, что узнавал, получал какое-то темноватенькое наслаждение. Я был бы рад не иметь никакого отношения ко всему этому, но понимал, что реалии таковы: есть пластилин и есть то, что из него нужно вылепить. Закатать рукава повыше и работать.

После восьми недель мозгового штурма мы пришли к следующему.

Катя позвонила мне из квартиры, когда в ней еще не было насильника. В изначальной версии она позвонила и сообщила, что она в «большой беде и случилось нечто ужасное», и предполагалось, что это как раз смерть той девушки. Но явно об этом в процессе сказано не было, и мы с прокурором решили допустить, что «нечто ужасное» – это секс втроем.

Стало быть, мы получили время на то, чтобы я нормально доехал до квартиры. Если «нечто ужасное» – это убийство, то счетчик начинает отсчитывать двадцать семь минут незадолго до звонка и, по идее, с моим приходом должен уже остановиться. А там ведь был еще звонок в «скорую», который удалось зафиксировать, в отличие от мобильного телефона, с которого звонила Катя.

– Кстати, а как вы вообще докажете, что она мне звонила? – спросил я и похолодел. А ведь этот вопрос мог задать адвокат на первом судебном заседании, и что бы я ответил? Что бы ответила Анастасия Викторовна?

– Она звонила вам по WhatsApp, и эти данные не сохранились, – сказала она. – Как вы знаете, WhatsApp пока не выдает сведений об абонентах. Вернее, выдает, но получить их слишком трудно, проще доказать звонок каким-то другим способом.

– Адвокат ведь мог зацепиться.

– Он себе не враг, – ответила Анастасия Викторовна. – Он ведь понимал, к чему идет. А вот адвокат в новом процессе может зацепиться, надо быть готовыми. Хорошо, что напомнили об этом, я из виду упустила.

Странно, что она вообще что-то может упустить из виду. Не верилось даже. Основной массив времени, который мы проводили в работе над делом, занимали ее оглядки по сторонам из каждой точки события, которое она доказывала. Она думала о том, какие предметы и люди могли быть вокруг, какие окружающие нас события могли нам помочь или помешать. Она выяснила все о погоде в ту ночь, утро и день; узнала, какая машина «скорой» приезжала, в общем, страховалаась всюду, чтобы не получить неожиданностей.

Были сильные провалы. Например, я не знал, во что была одета Катя. Вообще не имел ни малейшего понятия не только о цвете одежды, но даже представления не имел, что на ней было – юбка или джинсы? Футболка или топик? Может быть, ветровка или плащ? Она была на каблуках или в кроссовках? Мы пытались раздобыть информацию о том мероприятии, которое она посещала, – вдруг там кто-то делал фото, на которых запечатлена Катя, – но безуспешно. Не помог даже телефон – Катя его вообще с собой не брала, и в нем не было никакой информации о том, куда она собиралась.

– Это вообще удивительно, – сказал я, когда выяснилось про телефон. – Где это видано, чтобы современная девушка отправилась на вечеринку без телефона?

Анастасия Викторовна посмотрела внимательно и немного грустно.

– Это может означать, что она была очень расстроена или подавлена. Вам что-нибудь известно о предшествующих вечеринке событиях?

– Нет, – ответил я. – Я ничего не знаю.

Был еще один человек, который мог что-то рассказать о той вечеринке: первый подсудимый, ведь именно с ним Катя уехала оттуда. Но он, наусъянный адвокатом, хранил молчание, как и Павел Никифоров, не отвечая ни на единый вопрос следователя и ссылаясь на ту же 51-ю статью Конституции России. Это показалось очень странным, и я как-то спросил у Анастасии Викторовны: а не делаем ли мы ошибку? Ведь Никифоров хранит молчание, чтобы не наговорить лишнего, за что прокурор или следователь могут зацепиться и уличить его во лжи, а то и доказать вину его же словами. Может быть, первый подсудимый ведет ту же игру, что означает, что он также виновен?

Я понимал все про себя, ведь о том, что убийца – Павел, мне сказала Катя, и я поверили. Но Анастасия Викторовна имела полное право думать иначе:

– Я допускаю возможность, что мы фатально ошибаемся. Ни вас, ни меня, ни судьи в то утро там не было. Мы не видели своими глазами и поэтому вынуждены что-то лепить. Я понимаю, что это выглядит дико и, возможно, нелицеприятно. Но, положа руку на сердце, вы всерьез считаете, что во всех приговорах суда обстоятельства совершения преступления определены объективно и каждое слово – истина?

Пришлось признать, что так я не думал. Ситуации бывают разными, и взгляды людей на них отличаются всегда. Кому-то выстрел кажется ужасно громким, а кто-то слышал всего лишь хлопок; у кого-то куртка была синяя, а кому-то привиделась лазурная; полный человек всех худее себя называет худыми, в то время как объективно речь идет о нормальном телосложении; человек, ни разу не сидевший за рулем, скажет, что видел лихачество, а опытный водитель распознает неуверенную езду в одном и том же стиле вождения. Все зависит от бэкграунда – высоты колокольни жизненного опыта у свидетеля. Поэтому в отсутствие записи происшествия, которую судья может посмотреть в процессе, установить объективную истину невозможно. Но даже если такое видео и будет, все равно нет гарантий, что увиденное – то, чем кажется.

– Но все же это не то же самое, – сказал я, – преломлять действительность и создавать ее.

– Согласна, – ответила Анастасия Викторовна. – Но что, по-вашему, хуже: отпустить виновного или наказать невиновного?

– То есть в невиновности первого подсудимого вы абсолютно уверены?

– Я уверена в том, что Павел Никифоров – убийца. У нас есть нож, которого не было в первом суде. И на нем отпечатки Никифорова.

– Что? Почему этого не было в первом суде? Это ведь улика, которая четко доказывает, что первый подсудимый невиновен полностью! Как вы могли скрыть это?!

– Вы думаете, отпечатки не затерты? Не фрагментарные?

– То есть они могут быть и не его?

– Могут, – нехотя признала Анастасия Викторовна.

– А что, если вы ошибаетесь? – спросил я.

– Я не ошибаюсь.

– Но однажды вы уже ошиблись, – напомнил я.

– Роман, я не ошибаюсь.

И снова сделала это – оскалилась. Наверное, хотела показать милой улыбкой, что разговор завершен, но я увидел совсем другое – угрозу.

16

Незадолго до суда со мной связался директор по подбору персонала из «Передовых технологий». Я был удивлен звонку, потому что бывший работодатель был единственным, кому я не предлагал купить «Большого брата». Но слухи на рынке курсировали, это было известно: не далее как на прошлой неделе инвесторы оперировали цифрами, до боли похожими на те, которые предлагали мне ранее в другой компании – FSBNT, где я провел несколько встреч, окончившихся ничем. То есть между собой игроки обсуждают не только продукт, но и цену.

С этим человеком мы знакомы – он присутствовал на встрече по поводу моего увольнения. Я помню, что у него разного цвета глаза: один зеленый, а другой – голубой, плюс немного косил левый глаз. В общем, выглядел чудаковато. Слишком внимательно смотрел в лицо собеседнику, слишком яро выражал эмоции, тщательно проговаривал фразы... Странный тип, я ему не доверяю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.